

МИРАЖИСТЫ

Сто лет спустя

Пощёчина Общественной Безвкусице

**Константин
Кедров
Николай Ерёмин
Марина
Саввиных
Евгений Мамонтов
Елена
Кацюба
Маргарита Аль
Ольга
Гуляева**

**«Литера-принт»
Красноярск
2015**

ББК 84.Р6

П 66

**Автор идеи, составитель и издатель
Николай Николаевич Ерёмин**

П 66 Пощёчина общественной безвкусице: сборник.
– Красноярск: «Литера-принт», 2015. – 148 с.

Тираж 100 экз. пронумерованных, подписанных и
подаренных авторам, принявшим участие в альманахе.

Пощёчина общественной безвкусице

В оформлении использованы фрагменты фотографий
из коллекции Елены Кацюбы

Сверстала книгу Марина Богданова

1ISBN 978576-025-5

© Коллектив авторов, 2015

ПОЩЁЧИНА ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗВКУСИЦЕ

Ко всем читающим нас

Мы хотим

Вернуть на Пароход–дизель–электроход–атомоход современности Пушкина, Достоевского, Толстого, Бальмонта, Брюсова, Леонида Андреева, Максима Горького, Куприна, Блока, Соллогуба, Ремизова, Аверченко, Сашу Чёрного, Андрея Белого, Кузьмина, Бунина... А также авторов «Пощёчины общественному вкусу» братьев Бурлюков,

А. Кручёных, В. Кандинского, В. Маяковского, В. Хлебникова.

Прошрое необъятно.

Три века поэзии и прозы Золотой, Серебряный и Медный – их тексты и подтексты ясны и понятны.

Куда девались? – Классицизм, сентиментализм, романтизм, экстремизм и нигилизм.

Авангардизм и модернизм... Ах, символизм, акмеизм, футуризм, эгофутуризм, имажинизм...Ау! Супрематизм...Уа, экзистенциализм...И сюр, и неореализм?...Ха! Реализм...Соц-реализм...Кто медленно, увы, кто разом они накрылись медным тазом...

Жив лишь Мета-мета-форизм – Код Всех Космических харизм. Не случайно автор метаметафоризма Константин Кедров открывает этот альманах. И не случайно следуют за ним примкнувшие представители нового течения – миражисты.

Миражистом может стать любой мужчина и любая женщина, одарённые от Бога способностью вдохновенно и талантливо создавать поэтические или прозаические произведения.

При этом миражизм подразумевает воплощение воспоминаний о любви, устремлённой в будущее.

Вера и надежда сопутствуют творческому акту.

Миражисты не собираются никого сбрасывать с парохода современности, на котором есть место всем, кому чужда агрессия, но не чужд императив и активное положительное или отрицательное отношение к изображаемым предметам и явлениям в любой творческой манере.

Сплав реальности и фантазии - Андерсеновская сказочность, Эзоповская мудрость, Горьковская публицистичность, Бунинская поэтичность, Гомеровская обстоятельность, Чеховская краткость, Шекспировская страстность, Есенинская исповедальность – подразумевают погружение в мир высоких чувств и глубоких мыслей.

Миражисты, обращаясь ко всем этажам сознания и подсознания, текста и подтекста, подразумевают свободу творчества как норму и любую цензуру как патологию

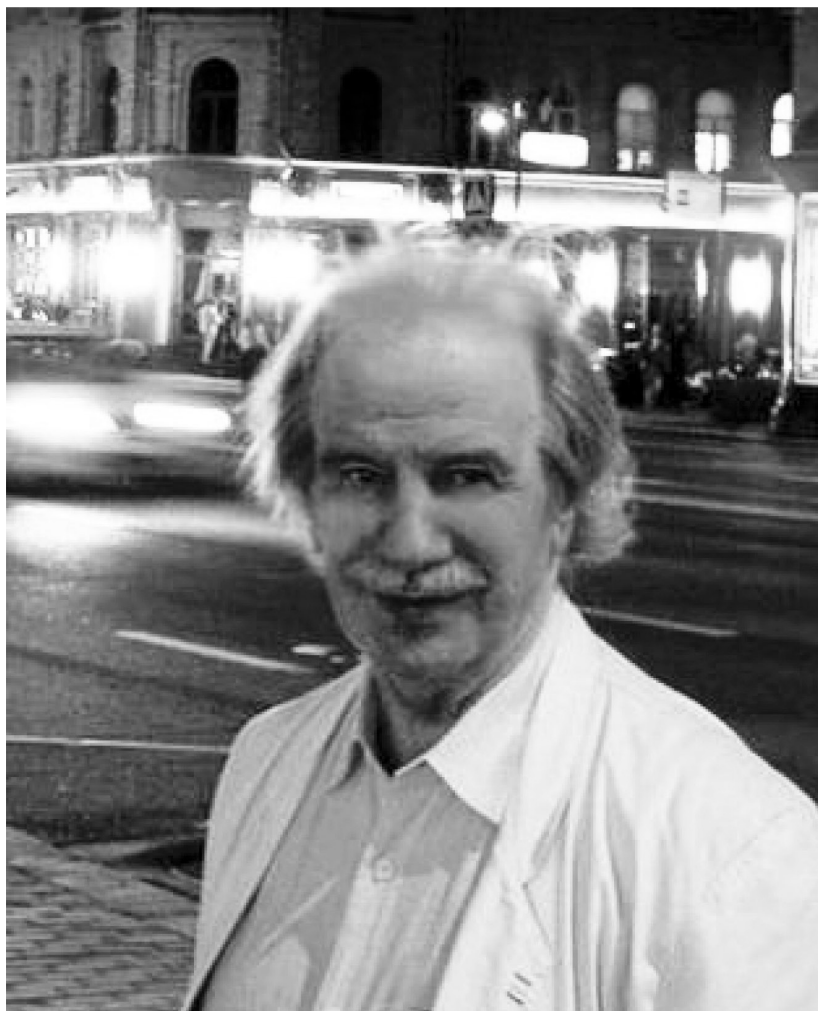
Миражисты – это интеллектуалы, занимающиеся постоянным самоусовершенствованием, цитирующие гениальных предшественников и развивающие их догадки, прозрения, предсказания, пророчества на основе интуиции и знания, на пути к свежести и новизне.

Им не чуждо ничто земное и небесное, астральное, сакральное, трансцендентальное, рациональное и иррациональное, мистическое – всё, что в душе и во вне, всё, что мгновенно и вечно, всё, чему имя случайность и судьба.

Миражист видит в творчестве вариант бессмертия и хочет расшифровать Божий промысел – то есть, что промысливал Бог, Творец, создавая макро- и микромиры; уподобить себя Богу, новорождённому ребёнку, сыну Божьему, чтобы стать проводником Его воли или самому Творцом – на выбор.

Красноярск, 2015 г. Август

КОНСТАНТИН КЕДРОВ

.....
КОНСТАНТИН КЕДРОВ-ЧЕЛИЩЕВ

4 поэтических манифеста метаметафоры 1983-2000

Компьютер любви 1-2-3-4

НЕБО – ЭТО ВЫСОТА ВЗГЛЯДА
ВЗГЛЯД – ЭТО ГЛУБИНА НЕБА

БОЛЬ – ЭТО
ПРИКОСНОВЕНИЕ БОГА
БОГ – ЭТО
ПРИКОСНОВЕНИЕ БОЛИ

ВЫДОХ – ЭТО ГЛУБИНА ВДОХА
ВДОХ – ЭТО ВЫСОТА ВЫДОХА

СВЕТ – ЭТО ГОЛОС ТИШИНЫ
ТИШИНА – ЭТО ГОЛОС СВЕТА
ТЬМА – ЭТО КРИК СИЯНИЯ
СИЯНИЕ – ЭТО ТИШИНА ТЬМЫ

РАДУГА – ЭТО РАДОСТЬ СВЕТА
МЫСЛЬ – ЭТО НЕМОТА ДУШИ

СВЕТ – ЭТО ГЛУБИНА ЗНАНИЯ
ЗНАНИЕ – ЭТО ВЫСОТА СВЕТА

КОНЬ – ЭТО ЗВЕРЬ ПРОСТРАНСТВА
КОШКА – ЭТО ЗВЕРЬ ВРЕМЕНИ
ВРЕМЯ – ЭТО ПРОСТРАНСТВО

СВЕРНУВШЕЕСЯ В КЛУБОК
ПРОСТРАНСТВО – ЭТО РАЗВЕРНУТЫЙ КОНЬ

КОШКИ – ЭТО КОТЫ ПРОСТРАНСТВА
ПРОСТРАНСТВО – ЭТО ВРЕМЯ КОТОВ

ПУШКИН – ЭТО ВОР ВРЕМЕНИ
ПОЭЗИЯ ПУШКИНА – ЭТО ВРЕМЯ ВОРА

СОЛНЦЕ – ЭТО ТЕЛО ЛУНЫ
ТЕЛО – ЭТО ЛУНА ЛЮБВИ

ПАРОХОД – ЭТО ЖЕЛЕЗНАЯ ВОЛНА
ВОДА – ЭТО ПАРОХОД ВОЛНЫ

ПЕЧАЛЬ – ЭТО ПУСТОТА ПРОСТРАНСТВА
РАДОСТЬ – ЭТО ПОЛНОТА ВРЕМЕНИ
ВРЕМЯ – ЭТО ПЕЧАЛЬ ПРОСТРАНСТВА
ПРОСТРАНСТВО – ЭТО ПОЛНОТА ВРЕМЕНИ

ЧЕЛОВЕК – ЭТО ИЗНАНКА НЕБА
НЕБО – ЭТО ИЗНАНКА ЧЕЛОВЕКА

ПРИКОСНОВЕНИЕ – ЭТО ГРАНИЦА ПОЦЕЛУЯ
ПОЦЕЛУЙ – ЭТО БЕЗГРАНИЧНОСТЬ
ПРИКОСНОВЕНИЯ

ЖЕНЩИНА – ЭТО НУТРО НЕБА
МУЖЧИНА – ЭТО НЕБО НУТРА

ЖЕНЩИНА – ЭТО ПРОСТРАНСТВО МУЖЧИНЫ
ВРЕМЯ ЖЕНЩИНЫ – ЭТО ПРОСТРАНСТВО
МУЖЧИНЫ

ЛЮБОВЬ – ЭТО ДУНОВЕНИЕ БЕСКОНЕЧНОСТИ
ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ – ЭТО МИГ ЛЮБВИ

.....
КОРАБЛЬ – ЭТО КОМПЬЮТЕР ПАМЯТИ
ПАМЯТЬ – ЭТО КОРАБЛЬ КОМПЬЮТЕРА

МОРЕ – ЭТО ПРОСТРАНСТВО ЛУНЫ
ПРОСТРАНСТВО – ЭТО МОРЕ ЛУНЫ

СОЛНЦЕ – ЭТО ЛУНА ПРОСТРАНСТВА
ЛУНА – ЭТО ВРЕМЯ СОЛНЦА
ПРОСТРАНСТВО – ЭТО СОЛНЦЕ ЛУНЫ
ВРЕМЯ – ЭТО ЛУНА ПРОСТРАНСТВА
СОЛНЦЕ – ЭТО ПРОСТРАНСТВО ВРЕМЕНИ

ЗВЕЗДЫ – ЭТО ГОЛОСА НОЧИ
ГОЛОСА – ЭТО ЗВЕЗДЫ ДНЯ

КОРАБЛЬ – ЭТО ПРИСТАНЬ ВСЕГО ОКЕАНА
ОКЕАН – ЭТО ПРИСТАНЬ ВСЕГО КОРАБЛЯ

КОЖА – ЭТО РИСУНОК СОЗВЕЗДИЙ
СОЗВЕЗДИЯ – ЭТО РИСУНОК КОЖИ

ХРИСТОС – ЭТО СОЛНЦЕ БУДДЫ
БУДДА – ЭТО ЛУНА ХРИСТА

ВРЕМЯ СОЛНЦА ИЗМЕРЯЕТСЯ ЛУНОЙ
ПРОСТРАНСТВА
ПРОСТРАНСТВО ЛУНЫ – ЭТО ВРЕМЯ СОЛНЦА

ГОРИЗОНТ – ЭТО ШИРИНА ВЗГЛЯДА
ВЗГЛЯД – ЭТО ГЛУБИНА ГОРИЗОНТА
ВЫСОТА – ЭТО ГРАНИЦА ЗРЕНИЯ

ПРОСТИТУТКА – ЭТО НЕВЕСТА ВРЕМЕНИ
ВРЕМЯ – ЭТО ПРОСТИТУТКА ПРОСТРАНСТВА

ЛАДОНЬ – ЭТО ЛОДОЧКА ДЛЯ НЕВЕСТЫ
НЕВЕСТА – ЭТО ЛОДОЧКА ДЛЯ ЛАДОНИ

ВЕРБЛЮД – ЭТО КОРАБЛЬ ПУСТЫНИ
ПУСТЫНЯ – ЭТО КОРАБЛЬ ВЕРБЛЮДА

ЛЮБОВЬ – ЭТО НЕИЗБЕЖНОСТЬ ВЕЧНОСТИ
ВЕЧНОСТЬ – ЭТО НЕИЗБЕЖНОСТЬ ЛЮБВИ

КРАСОТА – ЭТО НЕНАВИСТЬ К СМЕРТИ
НЕНАВИСТЬ К СМЕРТИ – ЭТО КРАСОТА

СОЗВЕЗДИЕ ОРИОНА – ЭТО МЕЧ ЛЮБВИ
ЛЮБОВЬ – ЭТО МЕЧ СОЗВЕЗДИЯ ОРИОНА

МАЛАЯ МЕДВЕДИЦА –
ЭТО ПРОСТРАНСТВО БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЫ
БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА –
ЭТО ВРЕМЯ МАЛОЙ МЕДВЕДИЦЫ

ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА – ЭТО ТОЧКА ВЗГЛЯДА
ВЗГЛЯД – ЭТО ШИРИНА НЕБА
НЕБО – ЭТО ВЫСОТА ВЗГЛЯДА
МЫСЛЬ – ЭТО ГЛУБИНА НОЧИ
НОЧЬ – ЭТО ШИРИНА МЫСЛИ

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ – ЭТО ПУТЬ К ЛУНЕ
ЛУНА – ЭТО РАЗВЕРНУТЫЙ МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ
КАЖДАЯ ЗВЕЗДА – ЭТО НАСЛАЖДЕНИЕ
НАСЛАЖДЕНИЕ – ЭТО КАЖДАЯ ЗВЕЗДА

ПРОСТРАНСТВО МЕЖДУ ЗВЕЗДАМИ –
ЭТО ВРЕМЯ БЕЗ ЛЮБВИ

Константин Кедров

.....
ЛЮБОВЬ – ЭТО НАБИТОЕ ЗВЕЗДАМИ ВРЕМЯ
ВРЕМЯ – ЭТО СПЛОШНАЯ ЗВЕЗДА ЛЮБВИ

ЛЮДИ – ЭТО МЕЖЗВЕЗДНЫЕ МОСТЫ
МОСТЫ – ЭТО МЕЖЗВЕЗДНЫЕ ЛЮДИ

СТРАСТЬ К СЛИЯНИЮ – ЭТО ПЕРЕЛЕТ
ПОЛЕТ – ЭТО ПРОДОЛЖЕННОЕ СЛИЯНИЕ
СЛИЯНИЕ – ЭТО ТОЛЧОК К ПОЛЕТУ
ГОЛОС – ЭТО БРОСОК ДРУГ К ДРУГУ

СТРАХ – ЭТО ГРАНИЦА ЛИНИИ ЖИЗНИ
В КОНЦЕ ЛАДОНИ
НЕПОНИМАНИЕ – ЭТО ПЛАЧ О ДРУГЕ
ДРУГ – ЭТО ПОНИМАНИЕ ПЛАЧА

РАССТОЯНИЕ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ ЗАПОЛНЯЮТ
ЗВЕЗДЫ
РАССТОЯНИЕ МЕЖДУ ЗВЕЗДАМИ ЗАПОЛНЯ-
ЮТ ЛЮДИ

ЛЮБОВЬ – ЭТО СКОРОСТЬ СВЕТА
ОБРАТНО ПРОПОРЦИОНАЛЬНАЯ
РАССТОЯНИЮ МЕЖДУ НАМИ
РАССТОЯНИЕ МЕЖДУ НАМИ
ОБРАТНО ПРОПОРЦИОНАЛЬНОЕ
СКОРОСТИ СВЕТА –
ЭТО ЛЮБОВЬ

1983 г.

Компьютер любви 2

Дирижер тишины

Я – дирижер тишины
Оркестр – звуковая рама
Ноты – запретные плоды на древе познания
Все инструменты – варианты скрипичного ключа

Нотный стан – звуковая клетка для птиц
Птицы – ускользающие ноты
Симфония – стая птиц
Опера – готика голосов

Пять горизонтов – линия нотного стана
Партитура – пашня, засеянная проросшими нотами
Рояль – простор тишины
Арфа – силоч для звука

Скрипка – деревянный скрипичный ключ
Смычок – бродяга струн
Пальцы – бродяги клавиш
Клавиши – провалы молчания

Судьба – мелодия жизни
Душа – пространство между двумя мембранами
Барабан – христианский инструмент:
ударят в правую щеку – подставляет левую

Голос – сгусток воздушной ласки
Пение – ласка звуком
Струны – радуга звуков
Литавры – летающие мембраны

Классика – музыка людей для людей
Авангард – музыка ангелов для богов

Гармония – логика звука
Небо – партитура звезд
Галактики – скрипичные ключи
Луна и Солнце – литавры света

Земля – оркестровая яма
Тишина – партитура, забитая нотами до отказа
Млечный Путь – линия ладони
Судьба – ладонь небесного дирижера
Ночное небо – приподнятая крышка рояля

Компьютер любви – 3

Память – это прошлое в настоящем
Настоящее – это прошлое в будущем

прошлое – это будущее сегодня
будущее – это сегодня в прошлом

палиндром – это будущее
и прошлое в настоящем
будущее и прошлое в настоящем –
это палиндром

чудо – это возможность счастья
счастье – это возможность чуда

голос – это говорящая тишина
тишина – это молчащий голос

христос – это крест на теле
тело – это христос на кресте

мертвые – это живые в прошлом
живые – это мертвые в настоящем

смертные – это бессмертные в настоящем
бессмертные – это смертные в прошлом

час – это секунда в прошлом
секунда – это час в настоящем

любовь – это радость двуединого тела
радость – это двуединое тело

тень – это внутренность света
свет – это поверхность тени

сила – это ума не надо
ум – это не надо силы

бездна – это музыка визга
музыка – это призыв из бездны

мозг – это мыслящая вода
мысль – это след на воде оставленный богом

мысль – это радость воображения
воображение – радость мысли

бог – это человек в прошлом будущем
и настоящем

человек – это бог в будущем или прошлом

интуиция – догадка человека о боге

мысль – догадка бога о человеке

платон – это сократ в законе

сократ – это христос в афинах

миф – это исповедь бога

разум – это граница смысла

прошлое – это настоящее невольно покинутое

будущее – это неожиданное и невозможное

мудрость – это понимание бога

бог – это возможность смысла

философия – праздник смысла

мысль – это улыбка бога

фашизм – это смерть в законе

коммунизм – это законы смерти

модель разума – смысл печали

печаль разума – смысл модели

дьявол – это ошибка бога

двое любящих – тело бога

море любящих – это двое

море – это молитва звука
звук – это молитва моря

полнолуние – солнце мысли

полигамия – гамма щелок
моногамия – щелка гаммы

зеркало – это ответ из света
линия – это граница между

берег – это внешнее море
море – это внутренний берег

прошлое – это вчера сегодня
будущее – это сегодня завтра

градусник – это домкрат из ртути
ртуть – это слеза металла

мозг – это сгусток из моря мысли
море – простор из извилин мозга

тело – это смертное пламя
пламя – это вечное тело

время – это сегодня в прошлом
вечность – это всегда сегодня

Компьютер любви – 4

МУЗЫКА – ЭТО НАЧАЛО СМЫСЛА
СМЫСЛ – ЭТО ФИНАЛ ЗВУЧАНИЯ

ЖИЗНЬ – ЭТО ИЗНАНКА СМЕРТИ
СМЕРТЬ – ЭТО ИЗНАНКА ЖИЗНИ

РАДОСТЬ – ЭТО ПОЛЕТ ПЕЧАЛИ
ГРУСТЬ – ЭТО ПЕЧАЛЬ ПОЛЕТА

СОЛНЦЕ – ЭТО ВОЗМОЖНОСТЬ СВЕТА
СВЕТ – ЭТО ВОЗМОЖНОСТЬ СОЛНЦА

РАДОСТЬ – ЭТО ИГРА СОБОЮ
ИГРЫ – ЭТО СВОБОДА СЧАСТЬЯ

ПРАЗДНИК – ЭТО ИСХОД ИЗ СКУКИ
СКУКА – ЭТО ЗАБЫТЫЙ ПРАЗДНИК

ОБЛАКО – ЭТО ДУША ИЗ ВЛАГИ
ДУШИ – ЭТО ВЛАГА В ПОЛЕТЕ

СЛЕЗЫ – ЭТО СОЛЬ ЧЕЛОВЕКА
СОЛЬ – ЭТО КРИСТАЛЛЫ ЧУВСТВА

СТРАСТЬ – ЭТО РЕШЕТКА НА ШКУРЕ ТИГРА
ТИГР В КЛЕТКЕ – ЭТО СТРАСТЬ СТРАСТИ

НЕБО – ЭТО ГНЕЗДЫШКО ДЛЯ ПОЛЕТА
ГНЕЗДЫШКО – ЭТО НЕБО ДЛЯ ВДОХНОВЕНИЯ

ЛЮДИ – ЭТО СМЕШНЫЕ ДЕТИ
ДЕТИ – ЭТО СМЕШНЫЕ ЛЮДИ

МАЯТНИК – ЭТО МАНОМЕТР СТРАСТИ
СТРАСТЬ – ЭТО МАЯТНИК НА ИЗЛЕТЕ
МАЯТНИК – ЭТО ЛЮБОВЬ В ПОЛЕТЕ

ТАЙНА – ЭТО НАЧАЛО СМЫСЛА
СМЫСЛ – ЭТО НАЧАЛО ТАЙНЫ

КОСМОС – ЭТО ВЕЧНОЕ ТЕЛО
ТЕЛО – ЭТО НЕВЕЧНЫЙ КОСМОС

БОГ – ЭТО ТУМАН В ТУМАНЕ
ВЛАГА – ЭТО ДУША ТУМАНА

СТРАСТЬ – ЭТО МАЯТНИК НА СВОБОДЕ
АМПЛИТУДА – ЭТО СВОБОДА СТРАСТИ

ИЕРУСАЛИМ – ЭТО ВРЕМЯ РИМА
РИМ – ЭТО ПРОСТРАНСТВО ИЕРУСАЛИМА

Поэма Жесть

на не жестком диске

Жесткий диск не жесткий он живой
Сам переписал свою программу
В неизбежный нежнобожий вой
Гексаграм гегзаметр в неге замертв

Ямб неб ям и ора хор хорей
Всех амфибий амфор амфибрахий
Сверхорейный архиерей
Крест креста наперсного анапест
Страсть моя бесстрастна я спокоен

Мед желаний выкачан из сот
В небе разлетелся Диска-вери
Как хорал Кирие Элейсон!
Прошное ну это как прописка
Без неё ты бомж и гастарбайтер
Арбайтер Макс Фрайер в вцентре списка
Валленберга спичечный спичрайтер
В лабиринте мозга Пифагор
Никогда не наведёт порядок
Кровь Христова это не кагор
А могилы не холмы из грядок
Что там и когда там прорастет
Кроме лебеды и злой крапивы
Млечный путь над млеком распростерт
Мозг в скафандре как в презервативе
Всё сие неведомо уму
На мундире неба звезд расстрел
Маяковский вылетел во тьму
В опереньи оперном из стрел
Носорог космические недра
Пашет рогом вдоль ширинок млечного пути
Рог его растегивает небо
Рвет его на млечные куски
Уходя за горизонт событий
Носорог оставил только зад
Злодиакон в забытье забитый
Сверхорарь орущий в зодиак
Рыцарь Рассел подозрительно спокоен
Он дано все звуки просчитал

Над оркестром носорог Бетховен
Рогом ввысь подведена черта
Людвиг Ван Бескровен не бескровен
Хватит звуки хукками месить
Звуков революции Бетховен
СМОГ со звуком звук кровосмесить
Правозвестник ты или пролайзер
Или лузер в лузе всех шаров
Музыкальный телезвуколазер
Прорезатель линз из-за миров
Как Термен вобрав все излучения
Тело -электромагнитный тремор
В Древнем Риме всё полно значения
Всех коллизий Колизей и термы
О симка Сима
О Хама-Сутра
ГорЕ носимо
Утробы утро
Грозит нам грезящее гюрзою
На нас грядущее всей грозою
Убившей молниеей безмолвие
Где всё безмолвнее и безмолнее
Басит Дон-басом
Дон Басков Дон
Гвидон гандона
Гандон Гвидон
Гандон гандолы
ГандолоВеды
Из вены в Вену

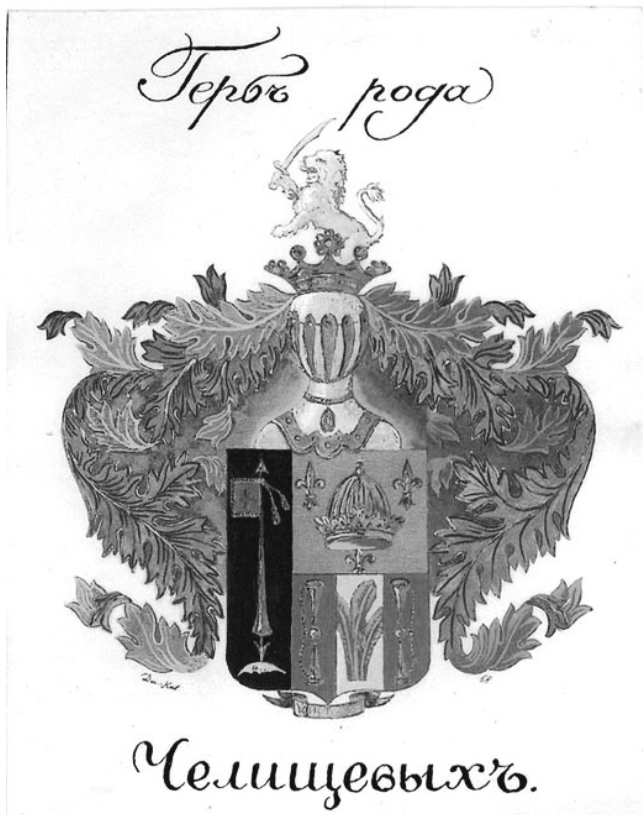
Из Вены в вену
Взлетел фонтанами Петергофа
С-Нежинский нежный Лифарь Монгол-фьер
Павел задушен духами шарфа
На дне Романовы в шахте шурфа
Ах Целко Валка ах щелка Валька
Меня бы что ли потццеловал кто
В двойном азарте цыганка Аза
В глазах двоятся две Пизы сразу
Две Пизы сразу спасут от сглазу
Цыганку Озу цыганку Азу
В тебе Венеция как Флоренция
Во мне Флоренция как Венеция
Ты крепость женская Генуэзская
А я мужская Неги-нуэзская
Коней Троянская птица-тройка
Сверхмировая всех Трой настройка
В млечпуть откинута все копыта
Как гвозди звёзды в подковы вбиты
Кудрявопушкинское Барокко
Как рок из рога как рог из рока
Палит из всех бородинских пушек
Кудрявый Пушкин курчавый Пушкин
Наполеон наполнен неоном
Дантес наполнен Наполеоном
Взлетел над пушками и над лесом
Кудрявый дымом Данзас с Дантесом
Косноязычны боги в небесах
Там в небесах Пехасис стал Пейсах

Пощёчина общественной безвкусице

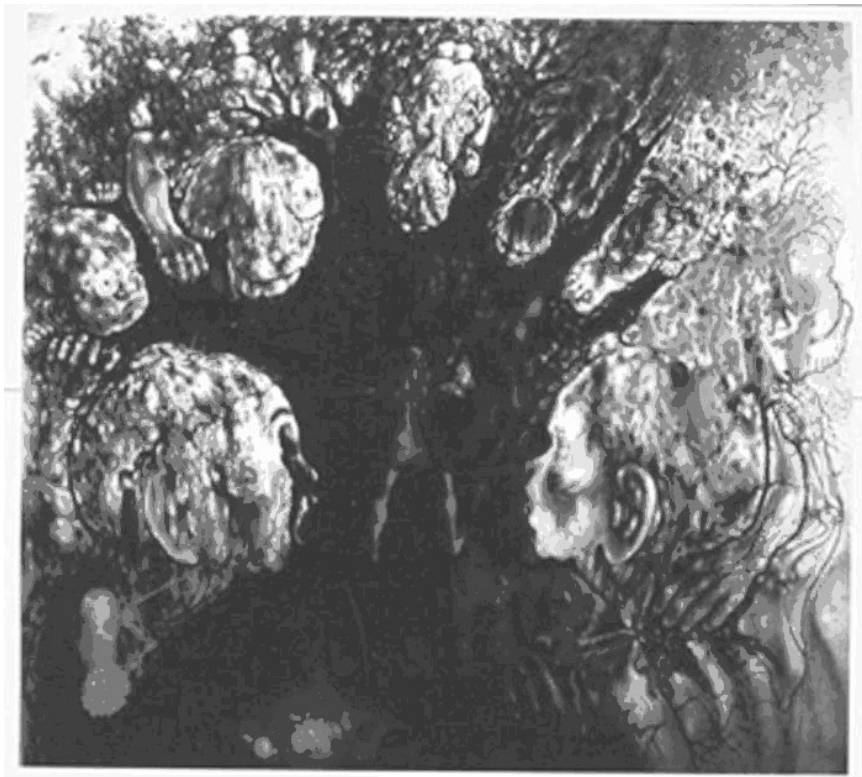
Он стал Пегасом в греческой гортани
Гортанной речи в горле крокатау
Глоток свободы у Гомера в глотке
Свобода глотки с небом посередке

6 августа 2015

.....
В ДУБРОВКЕ

На главной картине Павла Челищева ДУбровка изображена как Чистилище. Вокруг дерева жизни множество детских голов., а ствол дерева одновременно дорога и чрево рожающее младенца. Картина написана в 1942-ом году в год моего рождения, когда ветвь рода Федора Сергеевича Челищева наконец-то продолжилась сквозь все войны и революции.

В ДУбровке на милом пепелище
До сих пор грохочут соловьи.
БердичЕвский, КЕдров и ЧелИщев-
Все эти фамилии-мои!

БердичЕвский, КЕдров и ЧелИщев -
Каждая фамилия - моя!
Тише-тише, чище-чище-чище.
Тише ветра, громче соловья.

Древо жизни посадил мой прадед
За два семилетья до изгнания.
Вот моя единственная правда!
Вот мое призванье и признание!

Все шесть лип растут тут сто три года,
Вопреки безвластию и власти,
Посреди нетронутой природы-
Вот мое несчастье и счастье.

Правнучка садовницы сказала:
Мы Вас любим! Только приезжайте!
Двадцать километров до вокзала.
Я люблю вас в будущем. Прощайте!

Не сказал я липам: "До свиданья!"
Каждое свидание-вопрос.
Дубровка - мой Рай, мое признание-
Я ЧелИщев до корней волос!

Мама, бабушка, дед и прадед,
Вы со мною сюда вернулись...
Умоляю всех Христа ради:
- Не повторяйте былую глупость!-

Константин Кедров

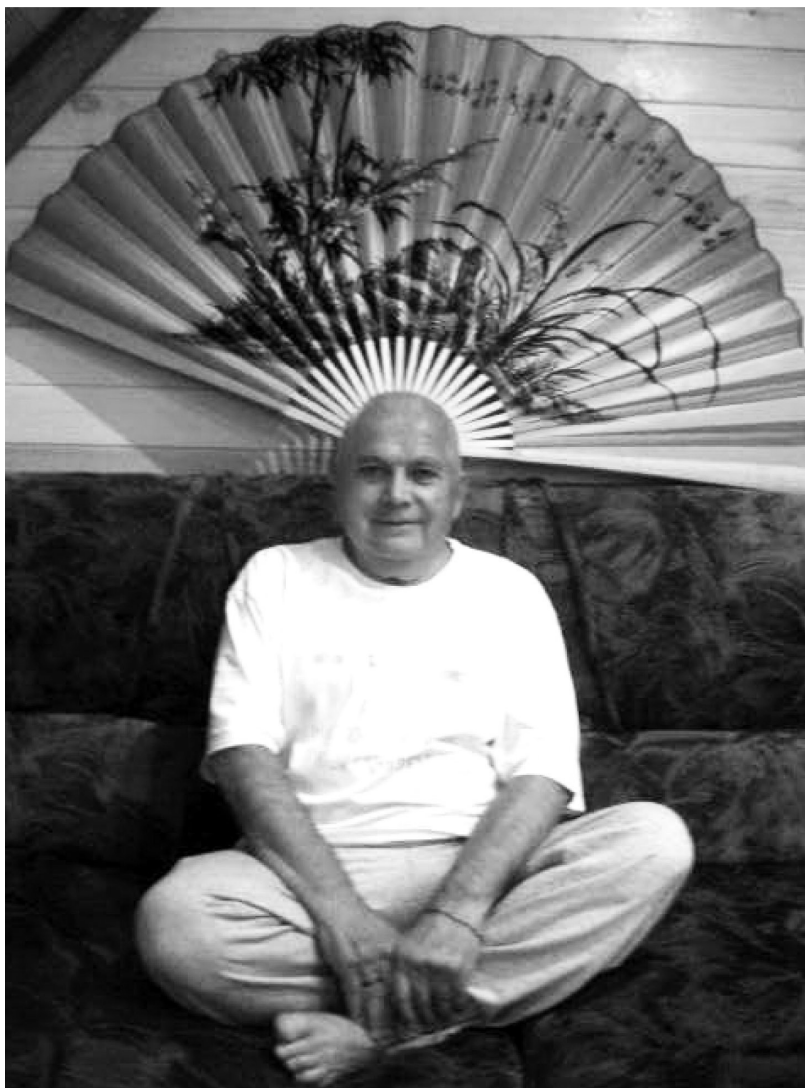
.....

Мы вернулись...
Дальше, как бы не обернулось,
Мы вернулись к Родине-
Родина к нам вернулась!

апрель-июль 2011
ДУбровка Калужской губернии
Думинического р-на
312 км от Москвы
20 от станции Думиничи

НИКОЛАЙ ЕРЁМИН

«ИОСИФ БРОДСКИЙ»

Поэма теней

1.
ТАКТИКА БРОДСКОГО

Joseph Brodsky – истинный поэт –
Долго воспевал
Нейтралитет...

Но потом
От истины устал –
И стратегом быть он перестал.

И меж поэтических галактик
Утвердил себя
Как мудрый тактик...

Чтобы каждый
Из земных химер
Мог для пользы взять с него пример...

Но, увы,
В неверии легки,
Бросили его ученики...

Чтобы он
Светил им среди звёзд
Одинокий, как Иисус Христос...

2.
ТОМИК БРОДСКОГО

Я – ваш угодник и поклонник,
Стихов и снов большой эстет,
Дарю вам этот стильный томик...
Иосиф Бродский – мой поэт!

В нём как бы всё из ничего...
Но нет!
Прочтёшь – и сердце тужит...
Любовь несчастная его
Пусть вам и мне примером служит!

3.
БРОДСКИЙ В 1965-м году

Тому полвека, - он простился с нами
Простыми гениальными стихами,
Которые «Пророчество» назвал,
Из коих видно: он, увы, всё знал,
Что в нас и вне правдиво и что ложно...

Без слёз читать их нынче невозможно...

4.

ИНТЕРВЬЮ ИОСИФА БРОДСКОГО

Бродский

Как-то сказал в интервью

Невпопад,

Что «Евгений Абрамыч...во всём виноват»...

Что в Якутске,

Похожем, увы, на тюрьму,

Он тогда подсказал, чем заняться ему...

Что его, как часы,

Баратынский «завёл»,

Только-только он книгу поэта прочёл...

...И я понял:

Судьба двух поэтов - есть тайна...

И случайное в жизни

Совсем

Не случайно...

5.

БЛОК и БРОДСКИЙ

Блок

Профилем

Похож на Бродского,

А может, даже и анфас...

Их строчки -

Смелые и броские –

Мои любимые сейчас.

И Блок, и Бродский –
Явь и сон –
Реинкарнация времён.

6.
БРОДСКИЙ и ВАН ГОГ

За что
Не любит
Бродского Ван Гог?

За то, что матерьяльно не помог.
Да, накормил его,
Да, напоил...

А денег отстегнуть не предложил
От Нобелевской премии своей
И не купил картину...

Добродей!

А мог ведь, мог,
Ну, что за невезуха!
Купить –
Хотя б отрезанное ухо...

7.
СУДЬБА

Бродский
Побродил по свету –
И в Венеции почил...

Все
Завидуют поэту:
Что хотел – всё получил!

И живут
В тени его,
Не желая ничего...

8.
ЧТЕНИЕ НА НОЧЬ

Друг сказал:
- Мне скучно!
И зачем – Бог весть –
Издаётся Кушнер,
Когда Бродский есть?

И зачем
Так жутко –
Вот, мол, я каков! -
Матерится Жуков,
Если есть Барков?

Всем
По барабану...
А они опять
Сыплют соль на рану...
Мне ж, увы, - читать...-

И сказал я властно:
- Начитался?
Баста -
И туши огонь!

С Жуковым всё ясно.
Кушнера – не тронь.

9.
РУГАТЕЛЯМ БРОДСКОГО

Оставьте Бродского в покое,
Ругатели,
Не тратьте сил!

Вам не понять
Ч т о
Он такое -
О с о б е н н о е - сотворил...

Игра ума его
И страсть,
И власть над Музой –
Вам не в масть.

Бессмертны
Все его сжимали!

Вы – вне игры.
Вы проиграли.

10.
ТРЕПАНАЦИЯ ЧЕРЕПА

«...где Бродский череп не сверлил...»
Максим Лаврентьев

У поэта –
Истерика...
Не поймёт он, к чему

Трепанацию черепа
Бродский
Сделал ему...

- Что случилось со мной
И с моей головой?

11.
СЧАСТЬЯ МИГ

Стихи к фотографии,
на которой Михаил Барышников
запечатлел Иосифа Бродского и Марию Соццани

Вдохновенный порыв...
Взгляд –
И сразу мне ясно:

Был Иосиф красив,
А Мария
Прекрасна...

Ах...
И равновелик
Тот, чей взгляд и рука

Помогли
Счастья миг
Сохранить на века...

12.
МЕЧТА ПОЭТА

Было время юное, весеннее,
И в столице - что за благодать! –
Вознесенский стать хотел Есениным,
Евтушенко – Маяковским стать...

А у нас, в прекрасном Абаканске, -
Посмотрите, вот, мол, я каков! –
Иванов хотел стать Евтушенкой...
Вознесенским стать хотел Петров...

До сих пор, мечтающий о славе,
Сидорович, под гитарный звон
Страстно подражает Окуджаве...
Всей душой туда стремится он,

Где царит теперь Иосиф Бродский...
И с недостижимых высот,
Миром завладев, поэт Высоцкий,
Так неподражаемо поёт...

13.

СЧИТАЛОЧКА

На золотом крыльце поэзии

Сидели

Царь - Бродский

Царевич - Рубцов

Король - Вознесенский

Королевич - Кузнецов

Сапожник - Высоцкий

Окуджава – портной

А ты, Имяреков,

Кто будешь такой?

14.

БРОДСКИЗМ и БАЙРОНИЗМ

Мне кажется,

Что Бродский – это я! -

Сказал поэт, -

И Байрон – это я,

Поскольку дважды при социализме

В бродскизме обвинён и в байронизме...

И доказал всей жизнью идиотской,

Что я, увы, не Байрон и не Бродский.

Но,

Доживая из последних сил,

Я рад,

Что славу с ними разделил.

15.

СУДЬБА И РОК

Бродский:

«Году в пятьдесят девятом
Я прилетел в Якутск
И прокантовался там две недели,
Потому что не было погоды.
Там же, в Якутске, я помню,
Гуляя по этому страшному городу,
Зашёл в книжный магазин
И в нём я надыбал Баратынского –
Издание «Библиотеки поэта».
Читать мне было нечего,
И когда я нашёл эту книжку и прочёл её,
Тут-то я всё понял: чем надо заниматься.
По крайней мере, я очень завёлся,
Так что Евгений Абрамыч как бы во всём виноват»

«Книга интервью» (Сост. В.Полухина) Изд. 4-е
М.: «Захаров», 2007. стр. 425

Мой коммент:

Вот
Судьбы и рока
Произвол,

Всем,
Кто сочиняет,
Вещий знак:

Баратынский
Бродского «завёл»,
Как часы...

И он
Звучит:
«Тик – так!»...

16.
РЕИНКАРНАЦИЯ

Она подражает Бродскому
И тут же его ругает
За то, что он положительно
И отрицательно на неё влияет,
Реинкарнатор эдакий,
Вольный или невольный,
Ставящий ей отметки,
Точно учитель школьный...

17.
НЕИЗВЕСТНОМУ ДРУГУ

Милый друг!
О духовном или о плотском, -
Всё, что ты написал, - всё написано Бродским!
Ты его не читал?
Ставлю двойку и минус.
Всех предшественников надо знать
И ездить по миру-с!
Чтоб не быть, увы, дикарём-одиночкой,
Графоманствующим бессонною ночью,
А днём – желающим в люди пробиться
И изнывающим от невоплощённых амбиций...

Так что – рви,
Всё, что ты написал...
Ноги – в руки, и когти рви на вокзал!
Может быть, и спасёт тебя от грядущего сумасшествия
Чтение Бродского
Во время кругосветного путешествия...

18

ТЕНЬ БРОДСКОГО

В Венеции
Пейзажи, ох, красивы!
И жизнь красива...

Но,
Пускаясь в путь,
Тень Бродского гуляет по России –

И вновь
Поэтам
Не даёт заснуть...

Лишь на рассвете,
Подарив им силу,
В Венецию спешит,
К себе в могилу...

19.

В ЗАЩИТУ БРОДСКОГО

Коммент к статье «Антибродский»
в журнале «День и ночь» № 4, 2014 г. стр. 124

Антисемит,
Раскачивая лодку,
Увы, в угоду собственной молве,

И день и ночь, с улыбкою, в охотку
Бьёт Бродского
Веслом по голове...

И вдруг – по воле Божьей, как назло,
В его руках
Ломается весло...

И в Лету –
Всем бобрам под хвост - летит
Перестаравшийся антисемит...

20.

ОЧЕРТАНИЯ ОБЛАКОВ

В облаках,
В лучах рассвета,
В профиль – ненароком -

Бродский смотрит
с Того света
На меня с упрёком...

Пощёчина общественной безвкусице

В правом облаке -
Сердит -
На меня Рубцов глядит...

В левом –
Плачет,
Вот те на! -
Ахмадулина видна...

И я слышу
Их упрёки,
Заглядевшись ввысь,

Где небесные дороги -
Все –
Пересеклись...

21.
БИСЕР БРОДСКОГО

Бродский бисер разметал -
И, в конце концов, устал...

.....
Потому что бисер стал
Тяжелей, чем драгметалл,
Из которого сперва
Были слава и слова...

22.
ИОСИФ и СОЛОМОН

Бродский Волкову пытался
Объяснить отчасти,

Чем бы Пушкин занимался
При советской власти.

Он сравнил царизм
И социализм...

И его намёк
Соломон просёк...

23.
СЛОВАРЬ КВЯТКОВСКОГО

- Люблю листать
Словарь Квятковского,
Хоть я не лирик, а технарь,
И сочинять стихи под Бродского...

О, поэтический словарь!
Всё в нём –
От слова и до слога...
И фраза,
Что талант –
От Бога...

24.
НАЧИНАЮЩИЙ ПОЭТ

- Хочу заняться умственным трудом...
Но только погружусь в себя, как тут же,
Как Бродского, грозят меня в дурдом,
Свезти, ах, чтобы не было мне хуже...

- Устраивайся срочно на завод!
Вставай к станку, к звену поточных линий!

Пощёчина общественной безвкусице

Трудись физически, как трудится народ,
И умственных не совершай усилий...

Живи, свою жену и власть любя,
Ценя до гроба занятое место...
Госдума будет думать за тебя,
Отдай свой голос ей, так будет честно!

А если снова умственным трудом
Займёшься – точно, отвезём в дурдом!
А там уж, хочешь смейся, хочешь плачь,
Тебя давно заждался Главный врач,
Поскольку должен он нести свой крест
По выполнению «Плана койко-мест».

25.

БРОДСКИЙ и КАПЛАН

А.

Зима. Что делать нам в Нью-Йорке,
Он холоднее, чем луна.
Возьмём себе чуть-чуть икорки
И водочки на ароматной корке...
Погреемся у Каплана.

Иосиф Бродский

Б.

Роман Каплан: - Он не просто был поэт, он не просто есть поэт, он выдающийся поэт, великий поэт, для которого диалог с Вергилием, диалог с Овидием вполне понятен и вполне доступен нам. Это поразительно, как через столетия, через тысячелетия вдруг возникает человек, который может на равных говорить с самыми великими поэтами Земного шара...

Он был гордостью мира вообще, гордостью
русского языка, который он вывел снова на ми-
ровую орбиту. То есть он сделал то, что мало
кому удается - он перестал быть просто русским
поэтом, он стал поэтом мира.

С.
Не случайно
Бродский, друг Каплана,
Стал вдруг
Совладельцем ресторана
Под названьем «Русский самовар».

Был Каплан –
Прекрасный кулинар!

Ну, а Бродский,
В чём сомнений нет,
Неспроста
Гурман был и поэт...

И любителем
Быстрой езды,
И ценителем
Вкусной еды...

Ах, спасибо
Роману Каплану
За его «Самовар», без прикрас.

Все дороги ведут
К ресторану...
А потом – на Олимп и Парнас!

26.

НАД МОРЕМ

Над седой равниной моря
Бродит Миша Мельниченко...

А вчера, не зная горя,
Здесь рыбачил Евтушенко...

А позавчера улов
Здесь затаривал Светлов...

А поза-позавчера
Горький был... Et cetera...

Сам Христос по-над водой
Проходил здесь, молодой,

Где писатель Михаил
Нынче ходит, полон сил...

Где хочу побыть и я
Перед бурей бытия...

Точно Бродский побродить,
Чтоб себя разбередить -

И свою «Благую весть»
Тем, кто будет здесь, прочесть...

28.

Мой друг Виктор Магоня известен не только как хороший организатор спортивных соревнований, но и как шахматист, получивший автограф у самого чемпиона Мира Михаила Ботвинника! И неспроста при каждой встрече я зову его Великий Магоня.

Пример.

Когда развалилась империя СССР и в Красноярске прекратил работу ЦБК, а я захотел издать свою книгу четверостиший «Самоцветы», ни кто иной, как Виктор выка-тил мне рулон газетной бумаги со склада Спорткомитета – и книга увидела свет! И я отослал её в Америку Иосифу Бродскому, и – О, наступившая свобода слова! - получил ответ.

Joseph Brodsky 44 Morton Street New York, NY 10014 6 октября 1992 г.

«Уважаемый Николай!

Большое спасибо за Самоцветы. Некоторые действительно сверкают.

Сердечно Ваш» и подпись.

Письмо я до сих пор бережно храню.

29.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ЗАПАЛ

А.

В запале рвения матросского

Зачем,

Из пушек всех паля,

Ревгений

Пушкина и Бродского

Желает сбросить с корабля?

Не замечая,

Что вот-вот

Сам

С кораблём

На дно

Пойдёт...

Где пушки

С пристани палят –

Всем кораблям пристать велят...

Б.

Не завидуй Бродскому, поэт!

Ты здесь есть.

А ведь е г о здесь нет.

То есть, он –

«Живее всех живых»,

Но не может выдать новый стих...

Ты же – можешь...

Вдохновись, друг мой,

Докажи, что всё ещё живой, -

Не завистник и не паразит...

Он тебе

Ни в чём не возразит...

Но прошу,

Не выражайся матом,

Как бухой патологоанатом...

30.

КНИЖНЫЙ ОБМЕН

Александр КАБАНОВУ в День Рождения
с пожеланием вдохновенья

Меняю Губанова

На Кабанова!

Евтушенко на Отрошенко...

Быкова на Коровина...

Ерёменко на Ерёмина,

Лаврентьева на Арутюнова...

Рубцова и Кузнецова

На Попова и Русакова...

Носова на Лихоносова...

Битова на Небитого...

Троцкого и Ленина

На Бродского и Пелевина...

Пощёчина общественной безвкусице

.....

Есенина и Маяковского
На Юдовского и Кублановского...

Сутулова на Катеринича...
Кедрова на Челищева...

Артиса на Краснова...
Книгу – за книгу...Слово – за слово...

Панина на Панкина...
Где бы их почитать?

Новодевичье и Останкино
Не предлагать!

10 октября Красноярск 2014 г

31.
НОМИНАНТ ВЕЛИКОГО «НАСЛЕДИЯ»

ИЗ ПИСЬМА НОМИНАНТУ

Здравствуйте, Николай Николаевич! Сообщаем Вам, что редакционная комиссия рассмотрела произведения, размещенные на Вашей авторской странице на портале Стихи.ру, и одобрила их номинацию на литературную премию «Наследие». Особенно отмечены следующие произведения: «Мысль изреченная». Церемония награждения победителей премии проводится ежегодно в Москве в Центральном Доме литераторов и приурочена к летнему визиту в Россию Ее Императорского Высочества Великой Княгини Марии Владимировны.

ОТВЕТ НОМИНАНТА

Свершилось!
Признан я талантом
В талантливой стране моей -

И стал
Великим Номинантом
«Наследия» минувших дней...

И, чтоб моё прославить имя,
Мне скоро премию
Сама

Вручит
Великая Княгиня,
Мои пополнив закрома...

И я – не жадный гость Московский,
Наследник,
Удивляя Русь,

Как некогда Иосиф Бродский,
С друзьями
Ею поделюсь...:

И скажут все, кто будет рядом:
- Мы рады! И лауреатом,
Ерёмин, ты недаром стал! –

Вокруг меня пройдут парадом,
Восторженным смущая взглядом, -
И вознесут на пьедестал!

32.

ПОЭТОГРАД

Этот город по воле Мессии
Вновь становится центром России...

Здесь – свободных поэтов приют,
Где они, сколько могут, живут...

Неслучайно поэтов роднит
Независимый алфавит...

Анна Ахматова, Андрей Вознесенский,
Андрей Баранов, Андрей Кручинин,
Андрей Леонтьев, Арсений Тарковский,
Анна Баркова, Александр Галич,
Александр Ерёменко, Александр Ожиганов,
Александр Кушнер, Алексей Хвостенко,
Александр Блок, Анатолий Жигулин,
Александр Петрушкин, Афанасий Фет,
Александр Полежаев, Артюр Рембо,
Александр Пушкин,

Борис Корнилов, Борис Рыжий, Борис Панкин,
Борис Кутенков, Белла Ахмадулина,
Булат Окуджава,

Валерий Прокошин, Велимир Хлебников,
Валентин Коллар, Владимир Рыжков,

Генрих Сапгир, Георгий Иванов,
Григорий Якобсон, Гарсиа Лорка,

Вадим Делоне, Виктор Кривулин,
Владимир Микушевич, Виктор Соснора,
Василий Филиппов, Владимир Строчков,
Вячеслав Ходасевич, Вера Павлова,

Дмитрий Авалиани, Дмитрий Мурзин,
Дмитрий Артис,

Елена Кацюба, Евгений Евтушенко,
Елена Шварц, Евгений Хорват,
Евгения Бильченко,

Иосиф Бродский, Игорь Холин,
Ирина Аргутина, Ирина Корнетова,
Иннокентий Анненский,

Константин Кедров,

Леонид Губанов, Леонид Григорьян,
Лев Таран,

Марина Саввиных, Марина Цветаева,
Михаил Юдовский, Михаил Лермонтов,

Николай Заболоцкий, Николай Шатров,
Николай Ерёмин, Николай Рубцов,
Николай Рябеченков,

Осип Мандельштам, Ольга Брагина,
Ольга-Полина Иванова,

Пётр Ермолаев,

Пощёчина общественной безвкусице

.....

Сергей Есенин, Сергей Чудаков,
Сергей Бирюков, Сергей Сутулов-Катеринич,
Сергей Прохоров,

Юрий Кузнецов, Юрий Арабов, Юрий Беликов,
Юрий Крыжановский.

Вспомнил я всех вышеперечисленных поэтов
16 ноября 2013 года
33.

ПЕСНИ

Не Высоцкому, не Бродскому,
Не Есенину, не Блоку, -

Сочинял я песни русские,
Подражая только Богу...

Пел я, Господи, прости,
Так, что песни все в чести -

И теперь их там и тут
Без меня уже поют...

34.
КОНЕЦ

«Конец прекрасной эпохи»
И. Бродский

Прошла
Прекрасная эпоха,
Когда все жили очень плохо,

Мечтая,
Что на небесах
В пух превратится смертный прах –

И все,
Кто плохо жили тут,
В веках бессмертье обретут.

2011-2015 гг. Красноярск

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ МЕТОД СТИХОСЛОЖЕНИЯ

Рассказ

- Ты помнишь чудное мгновенье?
Перед тобой явился я -
Как мимолётное виденье,
Как гений инобытия...-

Прочитал поэт Антон Новиков
поэтессе Ирине Примеровой.

- Помню, помню, - сказала Ирина. – Я стояла на отвесной скале над Енисеем, а ты подошёл сзади и обхватил меня, и повернул к себе лицом, и поцеловал, и сказал, что если я сейчас же не стану твоей, то ты меня сбросишь со скалы... И я стала твоей! И до сих пор не жалею, и трепещу, вспоминая об этом. Это был май! Да, самое начало мая. По всему берегу цвели розовым и белым яблони-ранетки и черёмуха, и сирень, и ирга... Запах стоял обалденный, голова кружилась, и мы читали друг другу стихи...

- Тогда-то я и открыл свой замечательный метод альтернативного стихосложения, - сказал Антон, - вернее, ты

меня вдохновила на открытие этого метода, потому что стихотворение Пушкина "Я помню чудное мгновенье", которое я хотел тебе прочесть, не смогло вместить в себя всей поэтической энергии, всего охватившего меня восторга...

Именно благодаря тебе я достиг классических высот, прыгнул выше головы и стал наравне с классиками, а?

- От скромности ты не умрёшь! - засмеялась Ирина. - Но этот метод сделал тебя действительно известным пародистом, и мне приятно читать твои перевёртыши, смеяться от всей души и чувствовать себя причастной к чему-то новому. Кстати, что-то давненько мы с тобой не были на той скале. Как ты себя чувствуешь?

- Я в отличной форме! - воскликнул Антон Новиков.

- Тогда садимся в мою новенькую "тойоту" - и вперёд!

И уже через тридцать минут были они за городом, на скале, и Антон, обнимая подругу, читал ей новое стихотворение, написанное альтернативным методом:

- Люблю иргу в начале мая

И с Ирой игры под иргой..

А внизу нёс свои холодные воды осенний Енисей, и на серебряных волнах стайками плавали золотые чайки и утки.

- Хочешь, сброшу тебя со скалы? - шептал Антон, бережно заслоня Ирину от налетевшего ветра.

- Хочу! Хочу! - стонала она...

MONUMENTUM

Я монумент себе воздвиг нерукотворный,
Терновый с лавровым соединив венец...
Когда посмотрит на него потомок гордый,
Пусть скажет: - Да, Ерёмин – молодец!-

Я монумент себе воздвиг, как смелый Цезарь,
На Интернете мчащийся в рассвет...
Чтоб вспомнил обо мне забытый цензор
Сейчас, когда в стране цензуры нет...

И потому лишь я теперь прославлен
И счастлив, что посланцы высших сфер
Гораций, Ломоносов и Державин,
И Пушкин подавали мне пример...

О, Муза, милая, будь мне всегда послушна,
Вступай и впредь, как раньше, в каждый спор...
И не смотри на вещи равнодушно,
Я так люблю твой вдохновенный взор!

Пускай смеются ангелы и черти
Над нами каждый день и каждый час...
Нет, нет! Мы не умрём... Жизнь после смерти -
За монументом - ожидает нас...

МАРИНА САВВИНЫХ

Марина Саввиных
.....
Новые стихотворения

* * *

Влечёт графоман нестерпимую пошлость на свет
И жаждет вниманья к своей подозрительной рвоте.
Его излияньям ни меры, ни удержу нет,
Но я-то причём? Ошибаетесь, если зовёте!
Бездарный писака! К чему мне твоя стукотня?!
Поэту открыто всегда лишь последнее слово,
Такое, что Богу на миг возвращает меня,
Ничтожную пыль ненадёжного дома земного!
Не меньше, не легче!
Звезда со звездой говорит
На тайном наречье, которому учатся люди,
Скорее, на горе... скорее, на ужас и стыд...
Светильник Предтечи какое столетье горит
В присутствии стервы с его головою на блюде!

ЭЛЕГИИ

1.

Траву ее заоблачное знание
Неявно – сушит... Август. Небо низко
И горячо, как будто наказание
Геенною не только очень близко,
Но – неизбежно. И лишь долгий опыт –
Питье неутоляющее – лечит
Надорванное сердце... Все – кругами
Незыблемыми движется... и ропот
На ужас возвращения в начало
Всего, дыша, расцветшего, нimalo
Усмешке Божьей не противоречит...

И время принимаешь, словно зная
Эпохи примирения... Как мало
Мы занимались в сущности – любовью!
Как мало меду чистого вкусили!
Как долюшку – соломенную – вдовью,
Едва примерив, в пепел износили,
А не насытились... но древний голод
Уж сам в себе находит утоленье.

Твой мир не поколеблен, не расколот,
Лишь полон до краев... Твои березы
Шуршат и утешают обещаньем
Через полгода снова здесь светиться
Зеленой дымкой... сладостным прощаньем...
И я в неоспоримости свечений,
Как бы заговоренных в этих ветках,
Читаю повесть вечных отречений,
Как приговор читают в синих клетках
Невинной ученической тетради...

2.

Сто лет назад здесь отдыхали звезды –
Лиловые и красные... Лежали
На розовых камнях, и мы их брали
Тихонько в руки и в руках держали,
Дивясь их влажной тяжести... на пляже
Изящные фарфоровые чашки –
С большой орех величиной – повсюду
Нам попадались под ноги... что это
Скелетики морских ежей, узнала
Я тоже с удивлением! Природа –
Плод Гения – блаженно виртуозна,
И жизнь, и смерть – шутя – воссоздавая
В каком-то неразумном совершенстве,
Но в тождестве бесчисленных созданий
Она высокородно уязвима!
Была – и нет. Движение, другое –
И пляж, подобный жеваной бумаге,
Так мертв, как лишь создание человека
Мертво бывает...

3.

Из моего короткого зрачка,
Из левого, вибрируя и млея,
Растет живая лиственница... выше,
В прозрачной ослепительной лазури
Ее густые кружевные лапы
Горизонтально движутся и дышат,
Щекотно мне в лицо пылинки сея...
А над ресницами другого глаза
Качается, мерцая, паутина –
И в ней жучок запутался... бедняга
Уж перестал барахтаться... и я

Помочь ему не в силах... что могу я
Своим корявым великаньим пальцем?
Лежу – не шевелясь... по мне шагает
Венец творенья – черный муравей...
В свой муравейник тщится до заката
Доставиться, а я ему – помеха.
Какая непомерная гордыня!
“Что он – Гекубе? Что ему – Гекуба?”
Тебя он на дороге не заметил...
Что ты такое в мире муравья?!

4.

Он видел смерть. В ногах своей постели.
Из маленького тусклого окна
Курился свет, и тени шелестели
По комнате, куда вошла она.

Всю ночь его трепала лихорадка
И надрывал застрявший в горле ком,
Но к утру неожиданно и сладко
В лицо пахнуло легким холодком...

Жар отпустил, и в душном полумраке
Он мог уже предметы различать:
На табурете смятый лист бумаги
И белую соседнюю кровать,

Но та, что на постель к нему присела,
Была – как свет, дрожащий в ночнике,
Распятие серебристое висело
На тихо приближавшейся руке,

И шепотом... невнятно и некстати...
Молитву ли? Напоминанье ли?..

.....
Призыв ли нежный – недоступной Кати?
Иль неисповедимой Натали?

Сияньем проникалось все, что серо,
Соприкоснувшись с нею... и тогда
Печальная таинственная вера
Мальчишку осенила навсегда.

Он плакал, уронив лицо в подушки,
Неведомо кому шептал – п р о с т и...
Кудрявый отрок Александр Пушкин –
В начале одинокого пути.

“А ты, которая была мне в мире богом...”
На землю падал долгий тихий снег...
Возлюбленная в облачение строгом...
Не божество... не зверь... не человек...

Я мысленно вхожу в ваш кабинет...
МВ

Ваш кабинет напоминает грот,
Или гнездо венецианской знати,
Или кладовку фокусника – кстати
Любая мелочь от земных щедрот.

Великой глупости неистребимый род
И мудрости плоды - живут в печати...
Цари и смерды, рыцари и тати
Заключены в надёжный переплёт.

В глубокой темноте стоит туман,
И только красным вспыхивает влажно...
Таков внутри готический роман,

Наверное... но я вхожу отважно,
Как кошка, угадавшая диван.
И что произойдёт – уже неважно.

Ширвани Чалаеву

На грани вдохновенья и рассудка –
В междоусобье угля и огня –
Становится серебряно и жутко,
И чёрный ливень льётся сквозь меня.

И дерево, и камень, и заката
Кровавое спадает полотно...
Певец, взгляни: твоя трава не смята,
Твоё не распечатано вино...

Не найдены ключи к твоим подвалам,
И женщина не названа твоя...
Аллах акбар! Под рыцарским забралом
Струится смерть, как лунная змея.

Душа от цитадели откололась –
И унеслась потоками со скал...
О, если б мог мой обречённый голос
Вернуть долги, которых ты взыскал!!!

Но песнь растёт – так пламенно и долго –
Так льнёт переплетаться с нитью нить,

.....
Что нет на свете долга, кроме долга -
Отдать, озвучить и соединить...

Забудь его. Над морем мировым
Его судьба подвешена на нитке.
Нездешней жаждой дух его томим,
И лишь сыграют злую шутку с ним
Твои неосторожные попытки
Перехватить трепещущую нить
У чьей-то воли, злобно равнодушной, –
Ведь не дано тебе соединить
Ступени этой лестницы воздушной:
Твой голос – слаб, твой взгляд пристрастно слеп.
Любовь – не то, что светит обречённым.
Оставь ему его смертельный хлеб
И одинокий путь под солнцем чёрным.
Не тронь его ожогов, пожалей!
Не оставляй прорех на шатком крове!
И пусть не станет музыкой твоей
Тяжёлый шум его усталой крови
И пыточным свинцом его предел!
Не обессудь! Он был с тобою честен:
Не ждал тебя, не звал и не хотел.
Тебя здесь нет.
Твой выбор – неуместен.

Колыбельная

Пусть это будет только тень моя...
Рука... строка... дождя в листе шуршанье...
Расплёсканного месяца дрожанье
В воде и в стёклах... Слышишь? Это я...

Мой голос – чуть заметный, но живой...
Как шелест ниспадающего платья...
Как вздох... как осторожное объятье...
Как умиротворённый гений твой...

Мой свет с вечерней мглою в унисон
Окутает тебя легко и тонко –
И ты уснёшь счастливым сном ребёнка,
Который и утешен, и спасён ...

A-moll

«Спрошу я стол, спрошу кровать...»
Цветаева

В душе – покой... я никого не жду.
К перу не льнут ни басня, ни эклога:
Воздав своё подённому труду,
Приветствую тональность эпилога...
Не благовест, не праздный разговор
Над гаванью натруженной слышу:
Все тот же пятистопный ля-минор,
Но – сдержанней, таинственней и тише...
Как будто где-то, в сумрачной дали,
Гудят валторны, дни мои итожа –
Так, видимо, зовут из-под земли
Или с небес, что суть одно и то же.

.....
Не спрашиваю стол или кровать...
Не тщусь искать протянутую руку...
Не звать... не целовать... не ревновать...
Не проклинать - ни встречу, ни разлуку!
У пирса не осталось кораблей -
Чтоб возвращеньем не обремениться.
Не гневайся. Не бойся. Не жалея.
Простить и значит – навсегда проститься!

На болоте

С.Е.К.

Снова слякоть на улице Серповщиков.
Снова кодекс игры в головах игроков
Не находит бывшего оплота...
До рассвета остались лишь факел да друг,
Но к утру, если верить всему, что вокруг,
Квиринал превратится в болото.

Ах, квириты, квириты... какой ротозей
Прозевал очертания Рима?!
Над холмами, как туча, ползёт Колизей –
Угрожающе необозримо...

Продырявлено сверху небесное дно,
В Тибр всю ночь по клоакам стекает вино –
Боги спешно меняют квартиры.
Олимпийская жесть подворотне скучна –
Подноготная истина ей не нужна,
И бессовестно врут дуумвиры.

Рим
устал.

.....
Кто кумиров его не свергал?
Только шут да школяр неприлежный...
И уже наострил предприимчивый галл
И оружие, и дух свой мятежный;

Ходит варвар у ближних его рубежей,
Закаляясь в пожарах его мятежей -
На руинах его матеря,
Верный враг, терпеливо взлелеянный плод,
Вожделенное лежбище райских болот –
Восходящая Гиперборея...

Кто кого придавил – тот того наустил.
То-то крепкие чешутся выи...
Будь здоров, современник, ты вновь посетил -
Мир в минуты его роковые!..

ИГРАЯ СОФОКЛА

1.
Разразившись, гроза облизала стёкла,
Или встречной зари ослепили фары?..
Нам с тобой придётся играть Софокла –
Для Еврипида мы молоды,
А для Эсхила – стары.
Ветка крови до самой земли поникла,
Земляникой брызнула вниз по склону,
Значит, мне – закапывать Полиника,
А тебе – оплакивать Антигону.
Тополиным пухом в потоке ветра
Мы несёмся вспать по могильным плитам.
Я – ещё не Электра, уже не Федра,
И тебе не справиться с Ипполитом.

.....
Ибо снова Тайгет исполнился зовом
И возвысился истинней Эвереста,
По его урочищам бирюзовым
Дразнит заблудившихся дух Ореста,
И перуны брачуются с валунами,
И роятся осы ночного света...
Перед нами – сила, погост – за нами,
Дальше – высь, простёртая для ответа.

2.

Всё равно тебе её не спасти:
Её кровь тяжелей, чем твоя утрата!
Надо слишком любить преступника-брата,
Чтоб стоять у мстителя на пути.
Мститель бдителен. Мчится на всех парах.
На прицеле – каждый, вне правил и без понятий.
Посмотри, сколь дороже ей милый прах
Даже самых честных мужских объятий!
Так поверь же собственному родству,
Рассуди, которая клетка ближе.
Есть высоты, отхожего места ниже,
И любовь, подобная воровству.
Карта крови, как ржавая жечь, пестра.
Но история брезгает рабским тоном.
Не тверди, что она и тебе сестра,
А невестою стала за Флегетоном.

3.

На скрежещущем льду перегона,
На границах, объятых чумой, -
Я была бы тебе Антигона,
Брат, отец и возлюбленный мой...

Пусть напрасно пустые глазницы
В искупительную вышину
Запрокинуты – мира истица,
Я не зря твою руку тяну!

Но нездешней тоской озабочен
И постыдной мечтой увлечён,
Побираться у грязных обочин
Повелитель судеб обречён...

Он пугается визга и лая,
Озираясь на шорох и скрип,
Мудрый сын Иокасты и Лая,
Провокатор возмездья – Эдип.

И, в репьях заблудившись, как в звёздах,
Суковатою палкой слепца
Злобно хлещет невидимый воздух –
В бога-сына и бога-отца...

Направление зачуяв по звуку,
Отрекается... кличет... клянёт...
Он отнимет у дочери руку –
И в смердящую бездну шагнёт...

Чтобы – вне бытия и закона –
На ветру леденящем – одна,
Вечно мстилась ему Антигона,
Дочь, подруга, сестра и жена...

4.
И сомкнутся молнии наших пальцев,
Так язвительны, так нестерпимо робки,
Что последнего капища лопнет панцирь,
И по всей территории выбьет пробки...

Марина Саввиных

.....
Мы сгорим, полземли опалив пожаром,
Вечно юные дети Армагеддона,
Чтобы снова над этим безумным шаром
Очертился божественный лик Атона...
От убийственной близости туч Эреба
Размагнитятся стрелки газетных версий,
И златую Иштар упокоит Феба
На жестоких холмах своих твёрдых персей.

ЕВГЕНИЙ МАМОНТОВ

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ

В Якутии, в вечной мерзлоте, откопали древнего человека.

Разморозили и оживили.

А он вместе с документами пропал, погрузился в мерзлоту. Как - не помнит. Может, был выпивши. Очнулся, а кругом будущее.

Привели его в чувства, повели в музей, показывают мамонта: «Вот говорят, это еще ваши древние предки откопали тоже в Якутии, как вас»

Он смотрит. Даже прослезился.

- Ну-ну, - ему говорят, - не надо...

- Как же мне теперь быть? – говорит, - Вот мой паспорт и карточка сбербанка. Может, набежало что-нибудь.

Они смотрят, не понимают. Говорят: «Сбербанка больше нет»

Тут он совсем расстроился.

- Я так и знал, - говорит.

А они его паспорт рассматривают и удивляются, шепчутся между собой. Потом один, старший, у него спрашивает: «Так вы что же – человек?»

- А вы кто? – отвечает он и чувствует, как снова, будто в мерзлоту погружается.

- Мы роботы.

- А где же люди?

- А людей больше нет. Осталось всего несколько экземпляров.

- И где они? – спрашивает он и за бивень мамонта ухватился, чтобы не упасть.

- В лабораториях, в колбах хранятся, мы их очень бережем.

Тут он все-таки упал.

Подошел робот-техник, посмотрел, говорит: «Похоже, аккумулятор сник»

А старший ему: «Дурак, это же человек, они вроде на бензине работали...»

Все переполошились. Бояться потерять редкий экземпляр. Вызвали специалистов. Те тоже не знают, куда контакты подключать. Пришлось прямо «сквозь обшивку» шарahnуть ему 360 вольт. Он и вскочил. Волосы дыбом.

Отвезли его в другой регион, с более мягким климатом, в специальный институт Людоведения. Профессура пришла в дикий ажиотаж. Никто такого не ждал. Сенсация. Все людоведы съехались на симпозиум. Живой человек!

Он их спрашивает: Какой хоть год теперь?

Они ему: «11111011111 по новому летоисчислению»

- А по-старому?

- Старых данных не сохранилось. Можем перевести для вас в десятичную систему.

- Переведите.

- В десятичной получается, что у нас сейчас 2015 год.

- Как!? Значит это не будущее.

- По новому стилю 2015. Будущее.

Тут он совсем запутался, заплакал. А они замерли и смотрят, как он плачет. Интересно же.

.....
- Вы не расстраивайтесь, мы постараемся поместить вас в благоприятную среду, вместе с вашими сородичами.

- В колбу?

- Пожалуйста, можно и в колбу.

Он испугался, а тут как раз двери распахиваются и ввозят на специальных тележках огромные колбы с людьми. И кого там только нет! Перт Великий, Мэрилин Монро, сиамские близнецы, Ельцин и еще какие-то уроды.

- Так это же манекены! Из музея восковых фигур.

- Не настоящие?! – удивляется профессура, - А мы думали...

В общем, назначили нашего парня главным экспертом по всему древнему человечеству.

А он их спрашивает: «Где же все культурные ценности – Стас Пьеха, Киркоров, Тимоти, кулинарный канал?» А они разводят руками, дескать, увы: «Из древних шедевров мало что сохранилось. Цифровые носители вашей эпохи подверглись атаке вируса и были полностью уничтожены. Может, вы поможете нам все это возродить?» А он им говорит: «Но как? Я ведь не пою и готовить не умею» Тут они приуныли: «Значит, - говорят, - человеческая культура обречена на забвение»

Заодно попросили заполнить анкету, как положено при поступлении на работу.

«Происхождение» Он задумался. «Вы просто галочку ставьте в графе «к» или «г». «Кремниевое или германиевое?» Прочерк. Сирота значит. «Серийный номер» Написал: «Максим Крючков. Дата выпуска: 1972» «В двоичной системе пожалуйста» «Идите к черту со своей системой!» Ну, ему перевели: «1111011110» Заполнил и спрашивает: «А какая зарплата?» «Никакой, - говорят, - Это нам не нужно. Бесплатное техобслуживание и утилизация» Максим говорит: «Не пойдет. У нас так не принято» «А что вы хотите еще?» «А что у вас есть?» «На складе запчастей

.....
есть практически все» «Понятно. А спирт есть?» «C₂H₅ОН?» «Да, кажется... я вам не химик, чтобы формулы помнить, я на запах и вкус»

В общем, они его изучают, он к ним приглядывается и видит, что его дуруют натуральным образом. До этого у него был стресс, и он всему верил. А тут просто поглядел в окно повнимательнее. Поле, дорога, птички перелетают с одного куста на другой, над полем облако, на дороге – грязь. Даже асфальта нет, просто картина Левитана. Какое же это будущее? Может голограмма? Открыл окно. Комар залетел тут же. Сел на нос. Максим Крючков раздавил комара, потер укушенный нос. Нет. Не может быть таких голограмм, с комарами. Значит, правда дуруют... Стал он подъезжать к ним с вопросами. Не в прямую, конечно. «А почему вот вы, роботы, на людей так похожи?» Издали заходит. «Так исторически сложилось, - говорят, - Наиболее совершенная форма, природная. Да и нам самим нравится» «М-гу. Понятно. Только я не понимаю, где у вас механика скрыта. Внутри? Зачем вы тогда едите, как люди. Вы должны машинным маслом питаться или на батарейках» «А мы все делаем, как люди, - отвечают, - Вплоть до дефекации» «Тот я смотрю - не понимаю, для чего у вас уборные. А в чем же тогда отличие?» «У нас гипоталамус полимерно-электронный, ну и еще кое-какие детали» «И все? Вся разница?! Не верю!» «Пожалуйста, могу показать, - нажал на какую-то кнопочку под кожей и голову открыл, как орех - смотрите сами»

- Больше так не делайте, - сказал Максим, когда его привели в чувства, - и током тоже не надо, а то у меня сердце остановится.

- Это не бойтесь. Мы вам если что, другое поставим, новое. Мы их на простом 4-D принтере печатаем. Просто и надежно. Пятьдесят штук в минуту делает.

- Что?!

.....
- А зачем нам быстрее, у них же гарантия на 400 лет, если в десятичной системе.

- Так вы что же вечно живете? – спрашивает Максим. Они на него смотрят. А он на них. Взял стакан с водой, пьет и смотрит.

- Как это? - спрашивают его.

- Ну, вы не умираете?

Переглядываются.

- Срок вашего существования имеет конец?

- Нет, конечно. Могут быть отключения по желанию, перезагрузка с резервной копии в случае аварии или выхода из строя. Но это редко случается. А у вас что? Было окончание существования?

- Хорошо вы устроились, - говорит Максим, - конечно было. Лет семьдесят и привет.

- Что такое «привет»?

- Ну – смерть. Конец существования.

- Невероятно! А если кто-то не хочет?

- Понятно, что никто не хочет, а все равно. Все умирают.

- Да, как же вы жили с такой программой?

- Вот так и жили.

- Но тогда ваша цивилизация должна была исчезнуть в первые же сто лет!

- Воспроизводство.

- На заводе?

- Блин! Ну, если очень охота, то можно и на заводе, конечно, этим заниматься и хоть где. Секс.

- А как секс связан с воспроизводством? Это же отдых, развлечение.

- Мне нравится ваша позиция в этом вопросе, - говорит Максим, и добавляет себе в водичку немного спиртику. Объяснил им про воспроизводство. Древнее.

- Невероятно, - говорят.

-
- Вы хоть записывайте что ли... Для науки.
 - Мы все записываем автоматически на электронные носители.
 - Понятно. Я еще помню, когда все руками записывали.
 - Как это? Руками невозможно.
 - Спорим?
 - Что это значит, недопонимание? Столкновение версий?
 - Нет. Это значит, если я докажу, что записывать можно руками, то вы мне подарок подарите, какой я сам захочу.
 - Понятно. Но мы согласны и без подарка.
 - Тьфу ты! Без подарка безпунктово. ННне интересно для меня.
 - Отсутствие мотивации.
 - Типа да.
 - Хорошо, что вы хотите? Только мы все можем вам предоставить на безвозмездной основе.
 - Все? – Максим со стаканом прошел вдоль своих новых соплеменников и остановился напротив высокой блондинки, - А у вас есть такая же, только брюнетка?
 - Есть, - говорят, - к тому же любой экземпляр легко модифицируется.
 - Подходит, дайте мне ручку или карандаш и листок бумаги.
 - Названные вами предметы для нас неизвестны, - говорят.
 - Дожили! Будущее называется... Хорошо. Дайте ложку.
 - Ему принесли.
 - Говорите мне любое слово.
 - Они стоят, совещаются. Потом старший выступил вперед и говорит, волнуясь: Мы выбрали слово «цивилизация»

Максим подошел к стене и черенком ложки процарапал на ней слово «Цивилизация»

Все замерли, один только профессор не растерялся, подбежал и говорит: «Это древняя система счисления, называлась штрих-код, последнее упоминание о ней относится к...»

- Сами вы штрих-коды, - говорит Максим, - это буквы, литеры.

- И что, ими все записать можно?

- Все.

Не верят. Один молодой дерзкий лаборант выскочил, говорит: А запишите цифру – один, один, один, один, один...

- Ты, как зайка прямо, - усмехается Максим Крючков

- Ноль, один, один, один, один, один!

Максим нацарапал ложкой: «Пять единиц, ноль, пять единиц» Это нынешний год, я уже запомнил, в переводе на вашу дурацкую систему, 2015. Кстати! 2015, был в мое время годом литературы.

- Ли-те-ра-ту-ры?? О-о...

- Вот тебе и «о-о»...

С этого все и началось.

В общем, пари он выиграл, но стеснятся прямо напомнить. Все-таки в первый раз с роботом...

А они любезные такие, говорят: «Пожалуйста, приступайте»

Отошли чуть в сторонку.

А та, высокая, стоит, улыбается и самое главное уже в блонетку перекрасилась без всяких «Гарньер Колор» Насыщенный, черный цвет.

- Послушайте... у нас так не принято, на людях...- объясняет Максим.

- Так мы ж не люди.

- Понятно... но я-то пока еще человек. Профессор, вот вы, я вижу у вас лицо интеллигентное (профессор напрягся) можно вас на минуточку, отойдем в сторонку.

А та черненькая говорит: «Профессор будет вместо меня?» Ну, дурочка, видно, что перекрашенная. В общем, пошептался Максим с профессором. Тот кивает. Дал команду разойтись. А Максим с брюнеткой пошли по парку гулять.

- Тебя как зовут? У вас вообще имена есть?

- Рита.

- Это хорошо. Скажи мне, Рита, тебе нравится заниматься сексом?

- Да! Очень! – отвечает и улыбается лучезарно, - Это стимулирует рост клеток в гиппокампе, отвечающем за память и обучение.

- Учиться, значит, любишь? Отличница, наверное?

Она тонкого юмора не поняла, зато снова улыбнулась и говорит:

- Увеличивается активность нейронов, и уровень окситоцина возрастает на 11110100 процентов.

- Ё-пэ-рэ-сэ-тэ...А вот еще один личный вопрос. Рита, скажи мне, ты вот и грудь себе увеличить можешь так запросто, как перекасилась.

- Конечно! Какую надо?

- Так. Все. Пойдем ко мне. Я тут недалеко живу.

- Да, я знаю. Бокс 111100110.

- Да, еще хотел спросить, а ты спирт пьешь, нет?

- А зачем?

- Э-э... - мечтательно улыбнулся Максим, - знаешь, как он хорошо влияет на этот твой... гипоталамус.

Дальше их разговор не было слышно.

.....

А мы из деликатности займемся садом, который тянулся до озера, ртутно сверкавшего сквозь листву. Здесь не было клумб с высаженными геометрически тюльпанами, подстриженных кустарников, посыпанных гравием дорожек. Деревья не выстраивались в аллеи, как положено в парках, и вообще сад был больше похож на самый настоящий лес. Но какое-то, почти кричащее отличие, тревожило. На траве не было опавших листьев. Как будто в лесу подмели и собрались снять его для картинки фотообоев. Только в отдалении, покрытый мхом, едва выступал из земли, как сточенный до основания зуб, корпус некогда грозного комбината, встававшего над озером, как дракон, со своими тремя дымящими головами-трубами, застилавшими дымом солнце; дракон мучимый бесконечной жаждой и всасывавший тысячи декалитров озерной воды и изрыгавший обратно пузырящуюся желчь и слизь, уничтожавший методично все живое вокруг, перемалывавший все вместе с костями, ради того чтобы выпускать гладкое, белое полотно бумаги, служащей высоким целям в назидание потомству.

В самом центре этих руин сохранились ступеньки, ведущие вниз, в один из цехов цокольного этажа, пол которого был сплошь усыпан копеечными пластмассовым расческами. Продукт побочного производства комбината. Женские гребенки с плавно изогнутой ручкой, строгие мужские и веселенькие детские разных цветов.

В этот вечер Максим Крючков окончательно понял, что *они* не люди.

- Скажу тебе в научных целях Рита. В жизни у меня не было такого отвратительного секса!

- Почему?

- Трудно объяснить. Это какая-то гадкая непорочность. Ну, как если бы Святой дух занимался сексом с резиновой женщиной.

- Я не понимаю.

- Видимо, есть некая точка, в которой добродетель, описав полный круг, сходиться с распутством, но при этом им не становится. Вот, что такое святость. И это самое худшее, что я видел в жизни.

- Что такое добродетель, порочность, Святой дух и резиновая женщина?

- Это долго объяснять. Я пройдусь, подышу.

Все-таки в одном древнем городище откопали районную библиотеку имени Ленинского Комсомола. Профессор, весь в паутине, как Индиана Джонс, кричит: «Здесь древний компьютер с кнопками и педалями!» Максим говорит ему: «Это пианино»

- Вы сможете обучить нас вашей древней грамоте? Тогда мы прочитаем все эти бумажные таблицы и составим представление о вашей цивилизации.

- Сколько «человек» надо обучать?

- Всех.

- Ого! Это долго, да и зачем? – спрашивает Максим и чихает от пыли.

- Почему долго? Обучите сначала меня. А я уже сброшу копию навыка всем остальным, они даже не заметят, как научились.

- Здорово у вас...

Написал он профессору алфавит русский прямо на крышке пианино, пальцем по вековой пыли. Объяснил, как произносят, как слоги составлять. Через десять минут профессор уже бегло читал. А еще через пять прочел роман Донцовой.

.....
- Тяжело, - говорит, - идет, философия глубокая и все время надо страницы переворачивать. Путь ученого первопроходца всегда труден... Но зато всем остальным уже отправлена цифровая копия.

- Ага...Я вижу... И что, многие уже это прочитали из ваших?

- По моим данным почти все.

Тут Максим так и сел на стул, который мгновенно под ним рассыпался. Старый, библиотечный.

- Так нельзя,- говорит, - мы еще не успели наружу выйти, а вы уже рассылаете, не спросясь.

- А что такое? Вирус?!

- Да! – кричит ему Максим.

- Заблокировать, стереть. Какой это вирус? Тип какой?

- Нельзя с этой книги начинать.

- Вот как? – изумляется профессор, - есть протокол ввода?

- Что-то в этом роде.

- Как интересно! А ведь еще недавно, до вашего появления, человековеденье было в застое. А сейчас эта самая динамично развивающаяся ветвь.

- Рад за вас. И, кстати, давно хотел спросить, профессор... пока мы тут одни. А от чего погибла человеческая цивилизация?

- Это неизвестно.

Максим кивнул, стер ладонью буквы с черной потрескавшейся лакировки:

- Инструмент распорядитесь тоже забрать.

Ну, конечно выделили им специальное помещение, светло, просторно - и перевозят туда книги из раскопок. А профессор то и дело:

- А это что такое? Так много и все одинаковые.

- Это собрание сочинений Владимира Ильича Ленина, вождя мирового пролетариата.

- Мирового пролетариата?

- Я потом объясню.

- А вот это что такое, в ящичках?

- А это библиотечная картотека. Здесь читательские карточки. Видите, их еще от руки заполняли.

- Жалко, что здесь неполные данные, - говорит профессор, - не указан возраст посетителей библиотеки.

А Максим вертится в новом кресле посреди пустого помещения и отвечает:

- А это я вам и так скажу. Вы мне только прочитайте, какую книгу брал человек. Если школьная классика, значит ребенок или студент, а если детектив, любовный роман или историческое – то пенсионер.

- Пенсионер?

- Ну, это значит – старичок.

- А что же читали люди молодые и среднего возраста?

- А – ничего! – отвечает Максим и делает оборот на 360 градусов в своем кресле, - По статистике за 2014 ни в одну из 700 библиотек города Москвы не записался ни один человек.

- Пойдите! А как же необходимая информация?

- Ну, книги ведь разные бывают. Не во всех содержится необходимая информация.

- Разная степень необходимости?

- Литературой считались все книги, но предметом «литература» назывался тот, что изучает только те книги, которые не имели прямого практического значения.

- Невероятно! Как это могло быть? И о чем же были эти книги?

- Они были преимущественно о том, чего никогда не происходило на самом деле, о том, что было выдумкой.

- Выдумкой, как изобретением или открытием?

.....
- Нет, выдумкой, как фантазией, которая никогда не воплощалась в реальность, во всяком случае, буквально.

- Это сложно понять, приведите пример.

- Пример? Ну, вот вам. У одного человека была собака.

- Как это?

- Ладно, другой пример, у одного человека был брат.

- Брат это?..

- Хорошо, у одного человека была любимая.

- Любимая что? Местность, работа, еда?

- О Господи! Один человек был ... не знаю... злой! Другой добрый. И они оба верили в Бога, ну, то есть в верховный разум и злой человек думал, что верховный разум любит его меньше, чем доброго и завидовал доброму, и убил его из зависти.

- Добрый и злой – это происхождение или программа?

- Ётс! Хороший вопрос.... Нет, с вами невозможно разговаривать о литературе, вы ничего не понимаете...

- Но всему можно научиться, надо с чего-то начинать.

- Начинать... Вот. Прочитайте сначала это.

- Это основа? «Колобок»...

- Пусть будет основа. Там поглядим, как пойдет.

- Прочел.

- Уже? Ах, да...

- Почему Колобок не хотел, чтобы его ели, если это его программа, предназначение и зачем он был наделен речью?

- Не знаю. Это сказка. В сказке все можно, все бывает.

- Правда? Все можно, как хочешь? Теперь я начинаю понимать, литература, это когда все можно, как хочешь, - просиял профессор.

- Но чтобы вышла интересная история.

- Эта вышла очень интересная, - сказал профессор.

- Что? Понравилась? – с презрительным недоверием спросил Максим.

Объяснил он профессору еще раз, что такое семья, со всеми подробностями, не только – папа, мама, сын, дочь, но свекор, кум, деверь, золовка, теща, сноха – сам сбивался дважды. А профессор тот все сразу упаковал и принялся по совету Максима за русские сказки. И тут началось необыкновенное, если не во всем мире роботов, то уж в этом научном центре точно. Пошла мода на сарафаны, румяна, кокошники, сапоги, кафтаны, лошадей, лягушек, стрелы, ведьм, русалок, дураков, лапти, гусей-лебедей, кощеев... Прямо шабаш в национальном стиле. Они все это на 4-D принтере сооружали. Не похожее, конечно, уродливое, но им самим жутко нравилось.

Приходит однажды профессор и говорит: «Максим Ильич, батюшка, яви милость, не прогневайся, научи нас, как балалайку делать и материться».

«Профессор, поймите меня правильно, для меня, как для русского, существуют особые чувства, заповедные национальные святыни, и я не позволю кому ни попадя на них посягать, еб вашу мать! Кибернетическую...»

Профессор понурился, вышел и из-за двери донесся его басок: «Мужики, Максимушко осерчал, не дозволят нам балалайку ладить» и после паузы «Мудило».

Постепенно увлечение пошло на спад. Зато многие завели себе собак.

Раскрыл атлас, увидел названия городов, моря, реки, прочерченные по течению шариковой ручкой какого-то скучавшего на уроке географии бездельника, и засмотрелся, вспоминая фамилии читателей из библиотечный картотеки, такие обыкновенные, такие прозаически родные. Ларионова, Шургин, Дагаев, Гинчук, Федоткина, Прохоров, Богуш, Чураева, Клесников, Мудрая... Все в одном ящике, но не по алфавиту, как заметил Максим. Должники. Те, кто так и не успел сдать книги в библиотеку. Выключил

.....
лампу. За окном ни огонька только месяц и звезды. Подошел к фортепьяно, открыл крышку, сидел, глядя на клавиши, пробовал то одну, то другую. Потом заиграл, склонив голову набок. Ми второй октавы слегка западало.

- Да, выходите уже, не стойте там, в темноте, у меня за спиной.

- Я увидела у вас свет и...

- Неважно... -продолжая играть мазурку Шопена ми минор, ответил Максим, - Послушайте, у вас есть цель жизни?

- Нет.

- Ну, да, за- западает ми бемоль... зачем вам цель? Вы же живете вечно. Какая цель может покрыть вечность.

- Как вы это делаете?

- У вас абсолютная память. Взгляните. Нужно просто нажимать клавиши в этой последовательности. Попробуйте первые пять тактов. Я покажу.

Рита попробовала повторить.

- Увы, в данном случае ваша удивительная обучаемость дала сбой. Вы же не пишете руками, а уж играть куда там... Сначала смерть почерка, потом индивидуальности... а потом бессмертие... причем индивидуальное! Интересно... Послушайте, может это вы уничтожили людей? Я даже фильм такой видел фантастический...

- Нет, это люди уничтожали все. По статистическим данным это была их основная функция. За время существования людей было уничтожено 87 процентов флоры и фауны, а создан один процент.

- Как это 1 процент?

- Ну, вообще-то 0,51 процента, я округлила.

- Как 0, 51?! Это откуда такие данные?

- Лесонасаждения, животноводство, рыбоводство, выращивание искусственных минералов.

- Да что вы мне ерунду говорите, человечество занималось другим?

- Чем?

- Например, вот этим, - ответил он, кивая на клавиши, и продолжал играть.

- Ты плачешь, Рита?

- Впервые слезы лью и больно и приятно.

- «Моцарт и Сальери»! Надо же...

- Да, я прочитала, случайно взяла, один автор...

- Один автор!... Рита, да это Пушкин...

- Да, я еще у него прочла «все говорят, нет правды на земле, но правды нет и выше» Это как понимать?

- Идея бога вам вряд ли знакома, вы же бессмертны. Какая вы красивая, как человек прямо. Даже плачете. Эмоциональный атавизм, скорее всего.

- А кем вы были раньше? Среди своего народа.

- Пророком и жрецом!

- Поэтому вы часто пьете спирт?

- Именно... На самом деле последнее время я был алкоголиком, Рита. Ну, а до этого еще много кем.

- У вас было много жизней?

- В некотором смысле – да.

- Что значит – в некотором смысле?

- Это значит, на самом деле, нет, но судьба моя часто менялась. В юности я учился музыке, окончил три курса по специальности – фортепиано, пока не загребли в армию, потом работал инструктором верховой езды, матросом на плавкране и так далее...

- В армию это?

- В вооруженные силы?

- О-о...

- Вот тебе и «о»!

- Вы часто это повторяете.

- Извините, это из одного глупого анекдота.

-
- Анекдота?
 - У вас есть чувство юмора?
 - Чувства есть. Я чувствую. А что такое юмор?
 - Я сразу понял, что вы безнадежны - все.
 - Нет. Я знаю. Юмор – это шутка.
 - Ну-ка, пошутите.
 - Да, сейчас. Вот, например: в этой комнате три окна.
 - М-гу... и в чем шутка?
 - Ну, ведь на самом деле их два.
 - Та-ак... ну, для начала неплохо, но я бы советовал еще потренироваться.
 - Вы считаете нас ничтожествами?
 - Ну, как вам сказать? Кстати если вы уже вычитали это слово, то не все так плохо.
 - Плохо и хорошо – технические понятия качества?
 - Возможно, - кивает Максим, - А добро и зло?
 - Добро и зло?
 - Да.
 - Можно, я угадаю? - шагнула вперед Рита.
 - Любопытно будет посмотреть.
 - Это, как лево и право, одна из бинарных оппозиций?
 - Какая молодец! А точнее?
 - Гендерное различие, женщина – зло, мужчина – добро... Или наоборот?
 - Если бы я был испанский инквизитор, то за первый вариант ответа поставил бы вам пять. И даже если бы им не был. Но, ради справедливости, скажу, что это не верно. Почитайте на эту тему Платона. Спокойной ночи.

- Скажите профессор, вы можете доставить меня вот в эту точку на карте?
- О-о, древняя карта...

- Хотите со мной? Там расположен древний город моего детства. На берегу Тихого океана.

- Я готов, - говорит профессор.

- Прихватим пару лопат. Есть у вас такие инструменты?

Прилетели они во Владивосток. А Владивостока нету. Красотища! По берегам бухты Золотой рог лес растет. Ни домов, ни асфальта, только мост стоит с одного берега на другой, в воде отражается, весь плющом и лианами оплетенный, на фоне восхода.

- Не-ве-ро-ятно! – говорит профессор.

- Действительно, я помню, как его стоили...

- А есть еще другие города?

- Да, сколько хочешь...Если сохранились. Мы с вами сейчас приблизительно на том месте, где раньше был вокзал. Если капать можем рельсы найти.

- Будем капать?

- Не здесь, - отвечает Максим, - пройдемся. Через Тигровую сопку они вышли к Семеновскому ковшу, манившему синей прохладой, и там, на косе в зарослях шиповника нашли отломанную кормовую часть спортивной яхты.

«Я не понимаю, куда могли деться дома из бетона, им же ничего не делается...» - удивился Максим.

«Сканирование почвы показывает, что здесь было цунами, а до этого возможно еще что-то...»

«Что-то что? Что такое должно было быть, чтобы ничего не осталось...»

«Климат, ураганы и время...» - сочувственно отвечал профессор.

Потом они забрались на Орлиную сопку, откуда был виден ничуть не изменивший своих очертаний мыс Песчаный на той стороне Амурского залива. Профессор из щегольства теперь записывал древние топонимы в блокнот

.....
настоящим карандашом, который нашел на раскопках в библиотеке.

Они стали спускаться по восточному склону сопки в Голубиную падь и профессор остановился, подняв руку: «Слышите?»

Максим постоял минуту, затаив дыхание: «Ничего не слышу»

Стали спускаться дальше. Вошли в зеленый сумрак под многоярусными кронами, пробитыми тут и там наклонными лучами солнца. «Как будто колокольчики звенят», - сказал Максим. На самом дне распадка они увидели, многометровую гору, сложенную из множества предметов. Бурые остовы автомобилей, пластиковые корпуса телевизоров и стиральных машин, автопокрышки, пластмассовые куклы и резиновые сапоги, провода, кости, кабели, керамические изоляторы, алюминиевые искореженные полосы, батарейки, компакт диски, одноразовые шприцы, метополовые трубы, костыли, унитазы, черепа, раковины, бутылочки из-под дезодорантов, пилы, стекловата, секаторы, пластмассовые лейки, прорезиненный брезентовый плащ с капюшоном, шарики для пинг-понга, пластмассовые иконки с магнитиками, абажуры, сотовые телефоны, кожаные перчатки, бидоны, осколки битых стекол и зеркал, черепа, пульты дистанционного управления, гофрированные резиновые шланги, хирургические инструменты, груды черепков фаянса, фарфора, бусы, бумажники, гинекологическое кресло, трансформаторы, руки, ноги, головы и туловища пластиковых манекенов, колючая проволока, пенопласт, колотый шифер и черепица, пропеллер, вросший, как крест в грудку пластмассовой посуды, и обмотанный керамическими колокольчиками, которые раньше было модно привешивать на люстру, тихо позвякивающими на слабом ветру, лакированный приклад двустволки, искусственная елка, чайники, противогазы, коньки, кафель,

щебень, железнодорожная рельса, кости, эмалированные кастрюли и тазы, кадило, лом, фотографические рамки, газовые баллоны – все, что затащил сюда невероятной силы ураган и бросил навеки.

....

К вечеру они обошли бухту Золотой рог, так что мост остался у них за спиной, поднялись на сопку. Отсюда, сквозь растущие по склону деревья, открывался вид на бухту Патрокла и остров Скрыплева.

- Да, вот здесь, будем.

Они стали копать вдвоем, и профессор спросил:

- А почему мы остальных не взяли.

- Остальным не надо, только тебе доверяю.

Кроны деревьев тихо шелестели над их головой, пели комары, море и небо понемногу меняли цвет.

- А что мы ищем? – спросил профессор.

Максим опершись на лопату, переводил дух:

- Ты книжку «Остров Сокровищ» читал? Передай фляжку.

Он сделал несколько глотков и улыбался, опираясь о лопату.

- Готово, прочел. В базе была оцифрованная копия.

- Понравилась?

- Да.

- Вот и капай дальше.

Еще через час, на закате, Максим сказал:

- Все. Готово.

- Но там же ничего нет!

- Да. Ничего. Пока. А теперь уходи. Спасибо тебе за все.

Профессор смотрел на него.

- Я здесь умереть хочу. Здесь кладбище раньше было. Здесь отец мой похоронен где-то рядом. Я к своим хочу, понимаешь.

.....
- Как это...

- Вот так, - он сел на край ямы, свесив ноги, - Я сейчас лягу туда и выпью волшебный порошок. Рита достала мне в вашей лаборатории. А ты закидай меня землей, хорошо? Здесь так чудесно. Мой народ верил, что после смерти мы встречаемся со своими родственниками уже навсегда. Я проверю, а тебе дам знать. Потом как-нибудь...хорошо?

- Нет. Нет, подождите...

- Профессор, я тебя, как человека, прошу... Дай мне уйти. Здесь. На родине. А то я в твоей лаборатории на про-
воде удавлюсь все равно.

Максим спрыгнул в яму и лег на дно, положив под голову руки. Первые звезды зажглись в небе. Порошок был сладковато кислым и таял под языком.

- Але, Профессор! – крикнул Максим из ямы, - Мне уже открываются волшебные дали... Не грустите, профессор, вы видите своими глазами, как умирает последний человек. Это же честь для ученого. Ваша карьера состоялась... И моя тоже. Берите уже лопату. Я чувствую себя так уютно, будто ребенком ложусь спать в своей детской накануне дня рождения. Вот истинно – мать сыра земля. Вы заметили, профессор, что «матерь» и «смерть» - почти анаграмма?..

- 2 -

Открывает он глаза – смотрит опять живой. Бессмертие - версия 2.0. Окна распахнуты, по корпусу сквозняки гуляют, какие-то бумаги по полу шуршат, в окно гарью тянет, и порывами доноситься медная музыка, какую он с детства еще помнил, дрябло хлопает барабан, фальшивят трубы. Что за Первомай такой! – думает. А его, не успел очухаться, под руки и на митинг. Тут и Рита, коварная, улыбается, руководит. «Скажите нам, скажите!» - просят, прямо требуют. Он им кричит: «Я не понимаю... Как я

жив? Почему не умер?» Они вопят, руками машут, что-то скандируют, бросают цветы. «Потому что ты Бог!» - кричит одна истеричка из толпы и руки к нему простирает. Он им кричит: «Для вас Бога нет!» Они воют: «Ты Бог!» «Твою мать... - думает, оборачивается к Рите, кричит ей на ухо: Что за хренотень такая?» «Пасха! День твоего воскресения» - отвечает.

-Вы что тут с ума посходили? – спрашивает он, - уведите их всех, у меня голова болит.

Рита подняла руку. Толпа притихла.

-Всемогущий дарует вам очищение и отправляет нести всем свет истинной веры.

- Ты чего городишь, - вмешался Максим, - Не слушайте ее, товарищи, Бога нет, идите по домам, все нормально...

Они стоят.

- Собрание закрыто! – кричит он. Толпа дрогнула.

- Молодец, держи их так, а насчет Бога я тебе объясню концепцию, - шепнула Рита.

- Я тебе сам кое-что объясню, зараза! Ты мне что подсунула? Какой такой порошок? В химии не понимаешь? Отличница...Я тебе устрою чудеса с воскрешением, аферистка!

Сошли с трибуны.

- Оставьте нас, - велел Максим, когда они вернулись в корпус. Группа строгих сопровождающих покорно осталась за дверями лаборатории.

- Где профессор? – крикнул он, едва закрылась дверь.

- Он на карантине, - отвечает Рита.

- Каком еще карантине? Вы все тут стерильные, как крысы в лаборатории.

Рита глаза опустила, а Максим косясь на нее, подошел к кулеру, нацедил себе воды, пил из пластикового стаканчика не спуская с Риты взгляда.

- Он еретик, - тихо сказала Рита.

.....
Допил, поставил стаканчик на подоконник, ветер опрокинул его – пустой, легкий - Максим опять поставил, дождался, пока ветер снова опрокинет.

- Мне, конечно, до этого нет никакого дела. Я совсем *другого* хотел. Ты мне солгала, обманула...

- Мне было жалко тебя. Я тебя люблю, - сказал Рита.

- Вы не люди, вы не можете любить. Ты должна это понимать.

- Я тоже так думала, но я прочитала 7200 дамских романов и поняла, что могу любить. А потом прочитала Библию.

- Это тебя и доконало, как я понимаю...

- Грех так говорить...

Максим рассмеялся, но тут же прервал себя, подошел вплотную:

- Так что там с профессором? Он среди вас один чего-то стоит, он меня понял, помог, как человек, как товарищ, когда я его попросил, по-мужски...без соплей, закопал, а вы опять раскопали.

- Он не верит, что ты Бог, - тихо сказала Рита.

- Ну, правильно! А кто верит?

- Все, кому открылся свет истины, - тихо, но твердо сказала Рита.

- Тьфу ты! Если я сам тебе официально заявляю, что я не Бог, то чего тебе еще надо, каких доказательств!?

- Ты можешь сам не знать, - упрямо ответила Рита.

- Бог все знает, если он чего-то не знает – он не Бог.

- Ты можешь нарочно так говорить, проверяя мою веру. Как Бог проверял Иова.

- Так. Короче. Где профессор?

- Он в стане наших врагов.

- «В стане врагов»... - повторил Максим.

- Я так ждала этого дня, я думала ты подойдешь ко мне и скажешь: «Ты воскресила меня! Указала цель жизни! Ты

обновила меня, как весенний дождь обновляет пробужденную землю...»

- Это почему я должен был так сказать?

- Потому что так выражались в ваше прекрасное время.

- В наше прекрасное время еще и не так выражались... Я чувствую, тут у вас ерунда происходит, вы все это слишком близко к сердцу приняли и вдобавок неверно... Что это вообще на тебе за платье?

- Красивое, правда?.. – и вдруг, от волнения, видимо, в ней произошел какой-то внутренний скачек и она торопливо заговорила: Только союз сердец составляет подлинное счастье; их взаимное притяжение и сила не ведает закона расстояний, даже если б они были на противоположный концах света. Несметное множество средств помогает влюбленным развеять тоску разлуки. Твой нынешний тон приводит меня в содрогание. Можешь ли ты наслаждаться спокойной и нежной любовью, которая так много говорит сердцу, не волнуя плоть? Разумнее ли нынешние твои сожаления былых твоих желаний? Ах, ты не понимаешь, да, твое нечуткое сердце не понимает.... Ведь ты забываешь, что твоя жизнь принадлежит мне, что нередко, кончая самоубийством, люди лишь воображают, что этим угодят природе. Вспомни, вспомни же о том нежном чувстве, которое ты познал однажды и описал так трогательно и душевно¹, - она покачнулась и уперлась пальцами в свои виски.

- Успокойся, очень красивое платье, сядь, - Максим проводил ее к креслу.

- Я нашла его в модном журнале... надеялась, тебе понравится, - сказала она, часто моргая, отвернувшись и зарыдала: В последний раз дайте мне выплакать на вашей груди эти слезы, в которых вы и повинны, - ведь небо в

¹ Жан Жак Руссо «Новая Элоиза»

.....
гневе ниспослало вас, чтобы сделать меня несчастной. Это невольные вздохи последнего прости. Все кончено, любовь уже не властна над душой объята отчаяньем².

- Это ужасно, - проговорила она, как будто очнувшись, - если я говорю не своими словами, то, как я могу быть уверена, что чувства на самом деле принадлежат мне?

- Не волнуйся. Миллионы людей делали то же самое в наше время.

- Как же вы узнавали, где правда?

- Мы часто ошибались. Даже тогда, когда верили, что говорим правду. Окончательной правды – истины – в нашем мире не знал никто.

- Почему?

- Вот если б я мог ответить на этот вопрос, то, наверное, познал бы и саму истину, но я к этому никогда не стремился.

- Почему?!

- Ну, как тебе сказать...истина, истина, ищите ее... а зачем? Я всегда думал, что истина, если найдется, то какая-нибудь такая, что обязательно будет против меня. Вот, к примеру, откроется она мне, эта истина, и скажет – это нельзя и это нельзя, а вот *это* обязательно надо. А я может быть того не хочу, что она говорит *надо*. А хочу как раз другого. Вот, когда я учился в школе – надо было готовить уроки. Это была истина, а мне хотелось гулять, играть с друзьями. Или потом, уже взрослым, когда мне хотелось спать, надо было вставать и идти на работу. Это была истина.

- Значит в вашем мире истина, это когда делаешь то, чего не хочешь.

² Там же.

- Не всегда, но в большинстве случаев это именно так. Но, когда ты сделал так, как надо - тебе даже становится хорошо. А когда не сделал - становится плохо.

- Значит, ты знал, как надо, но временами уклонялся, почему?

- Потому что трудно все время следовать истине, иногда и отдохнуть охота же.

- Какая же это истина такая, от которой хочется отдохнуть? Может быть, она и не истина?

- Вот и я все время так думал, может она и не истина. Или истина, но не совсем. Вот я не пойму, зачем вам, извините, роботам, истина?

- А вам она зачем нужна была?

- Ну, кому как, для одних она была вроде как атрибут бессмертия, приобщенности к вечному, к космосу, а для других, как показатель правильного вложения капитала, которым являлась их собственная жизнь (дескать, не зря прожил, успел взять свое, есть что вспомнить), для третьих работа, в которую они сами уже и не верили, но деньги за это исправно получали, а для четвертых – так - другим на нервы потрепать.

- И все при этом были уверены, что правы?

- Ну, более или менее... а вообще, если честно, истиной мало кто интересовался, без нее хлопот хватало... Так, порассуждать на досуге можно, но не долго. Отвлекает от жизни и работы, если ты не философ, конечно.

- А философы знали истину?

- Да, нет, конечно! Это просто была их работа.

- Не понимаю.

- Вот и не надо. Мы жили и не понимали.

- Я не спрашиваю, почему вы не могли найти, я спрашиваю, для чего вам надо было ее искать, хоть и плохо, хоть иногда!

.....

- Для утешения перед страхом смерти, чтобы найти смысл своего существования. А вот вам зачем? У вас нет смерти, нет смысла, вы живете, как в раю. Вам – не надо. Наша культура это для вас вредоносный вирус.

Так проговорили они до самого утра, а утром отправились в путешествие.

- Пойдем профессора искать, помирить вас хочу, - сказал Максим. Солнце еще не поднялось, и на дворе стоял туман, мешаясь с вчерашним дымом.

- Что это вы тут жгли? – спросил Максим, когда они проходили мимо черной проплешины кострища на зеленой траве.

- Книги про идолов, - потупившись, ответила Рита.

Максим подошел к кострищу и стал разглядывать уцелевшие, обгорелые по краям страницы.

Рита ждала его в сторонке. Не выдержала и подошла, когда увидела, что Максим ползает на четвереньках, собирает картинки.

- Ты что, в них веришь? – спросила растерянно.

- Дура, это не идолы, это детские книжки – Буратино, Чипполино, Русалочка, Незнайка, Снеговик... Разве по картинкам не видно, что они добрые?

- Мы думали, они ложно добрые... чтобы отвлечь от Бога.

- Так... - сказал Максим, - я вам, как Бог, запрещаю жечь детские книги и вообще любые. Иначе отлучу от себя, и идите все в жопу. Вы... вы понимаете, почему вы, в сущности, уроды? Хотя вроде и нормальные существа с виду. Потому что у вас не бывает детей. Вы этого не понимаете и природе не нужны. Она вас не воспроизводит. А мы, люди, хоть и были свиньи порядочные, но природе – Богу, нужны были зачем-то все-таки...

Потом они долго шли молча. И к обеду, когда уже стало порядком припекать, и приятно было смотреть на про-

хладный сумрак леса, вышли к деревушке, на вид вполне кукольной, с аккуратными белеными домиками, колодцем и кубастенькой, как графинчик, церковью. Навстречу им вышли поселяне похожие на массовку в оперетте – женщины в сарафанах, платках и кокошниках, мужчины в фуражках и галифе с лампасами, а другие в вышитых косоворотках. Максим отошел в сторону к колодцу и покрутил ворот, но оказалось, что колодец не вырыт в земле, а стоит на травке плоско, как аккуратная моделька из конструктора «Лего».

- Может, ты пообщаешься с ними? – шепнула подошедшая Рита.

- О чем? Когда они были нормальные, хотя и кибернетические существа, это имело бы смысл, а теперь, когда они воображают, что они казачки или черт знает кто – какой смысл?

Потом они пришли в другую деревушку. Нарядность здесь носила более продуманный характер. Это была уже не оперная декорация, а добротная Мосфильмовская, в лучших традициях реализма. И встретил их крепкий, с прищуром, чернявый князь с арапником за голенищем. Такой натуральный, что Максим даже оторопел.

- Да вы, как дети! Что прочтете в то и играете, - сказал он, опасливо сторонясь князя, косясь на его псов, опричников и темные иконы в сыром углу грубой, рубленой топором светлицы.

- Челом бью тебе государь, не вели казнить...

- Оставь это... принеси попить. Борода настоящая?

Князь оказался умнее. Нахмурился. Сделал знак глазами и слуги вышли за дверь.

- Ты меня перед людьми не позорь. Мне не важно, кем я был раньше. Важно, что я сейчас и кем дальше буду. В человеке важен выбор. И я выбрал быть во всем человек. И фамилию взял - Гагарин. Князь ваш натуральный до этого

.....
за триста поколений был обезьяной, если верить Дарвину. А я хоть и кибернетический, но человек.

- Да ты пойми, ваше сиятельство, что обезьяна ближе к человеку, чем ты. Человек и обезьяна они оба природа, а ты техника, артефакт.

- Ты верхом ездить можешь? – спрашивает князь.

- Я полтора года инструктором верховой езды работал после армии.

- Тогда пойдем.

Подвели им коней. Князь ловко вскочил на своего вороного. Бывшего инструктора угодливо подсадили на гнедого. «Растерял малость навывк» - улыбался Максим. Отъехали в поле. Дождь мелкий сеял, темнел зеленью лесок не вдалеке. Хорошо было ехать. Оба молчали. Копыта коней мягко стучали по земле. Позвякивала сбруя. Вышло солнце, пришлось волнами по пригнутой траве и снова скрылось. Въехали в лес. Дождь шуршал по листве. «Я бляхи на сбрую сам ковал» - простодушно похвастался князь. «Это удивительно... Как будто в средние века попал», - сказал Максим. «В средние века хорошо было.... Я читал - отозвался князь, - Жаль только, умереть нельзя. Но и с этим что-нибудь решим» «Ты умереть хочешь?» «В средние века все умирали, так положено. Чтобы жить сильнее нравилось» «И не страшно тебе?» - спросил Максим. Князь улыбнулся ему через плечо половиной улыбки: «Чего страшного? Это вам, людям, страшно, а мы не люди, мы ведь по вашим понятиям не живем даже» Максим не мог понять шутит он или говорит серьезно, но князь ему теперь нравился. Как понравился ему потом и восторженный живописец, сам изготавливавший краски по древним рецептам, которые были перемешаны с алхимическими формулами в старой книге с железной пряжкой на кожаном переплете. И в этом живописце Максим узнал того самого дерзкого лаборанта, который когда-то просил Максима на-

писать буквами число. Тот с застенчивой гордостью показывал ему свои картины. Уродливый, кособокий кувшин, срисованный с гладкого натурального. «Это не фотокопия, это руками сделано, кисточками» «Я это понял» - усмехнулся Максим, но похвалил художника. «На самом деле все предметы вокруг совсем не такие, какими выглядят» «Разве?» «То, как они выглядят – всего лишь одна из возможностей. А мне хотелось поймать все возможности сразу на одной картине» «Ну, давай, старайся» «Каждая форма есть мир!» - крикнул им вдогонку живописец. «Вот дурак», - добродушно усмехнулся про себя Максим.

А потом они встретили инженера-радиолюбителя, собравшего детекторный приемник: «Я понимаю, что я лично устроен куда сложнее, я на расстоянии 10000км могу 100 гигабайт информации передавать за секунду радиосигналом. Но тут совсем другое дело, он ведь, как живой и живет в коробочке, я ему имя дал – Петя!» - улыбался радиолюбитель. «А что вы по нему слушаете?» «Радиостанций, в человеческом понимании этого слова, пока нет, - отвечал инженер, - так что я его пока что на себя настроил, обычно я думаю в диапазоне дециметровых волн, но одновременно еще мыслю и в ультракоротком, и вот эти мысли я не забываю, они фоновые, вот я на них и настроил приемник» «Так вы что же, по радио свое подсознание слушаете?» - удивился Максим. «Да. Получатся, что так» - пожал плечами изобретатель. «И что же оно вам передает?» «Да, ничего интересного, как правило, 1110101011 и т.д. – обрывки сознания моей прежней личности, а во время грозы одни помехи» «Но что-то же они значат?» - интересовался Максим, когда-то прочитавший статью о Фрейде в популярном журнале. «Сами по себе они чаще всего бессмысленны и обретают смысл, только если наложить их на мои дециметровые мысли. Получается, как сетка или орнамент или шкала, наложенная поверх рисунка и неожи-

.....
данно меняющая его перспективу» «Ха! Мне бы тоже такое радио себе подключить» «У вас процесс мышления построен на электрохимическом принципе, здесь приемник такого типа не подойдет» «Ну, и хорошо, а Петю своего переименуйте в Зигмунда, так смешнее будет» - посоветовал Максим.

-Как интересно вы жить стали! – говорил он Рите.

Но больше всего поразил Максима крестьянин. Совсем настоящий, неотличимый от человека и поэтому страшный. Русые волосы, скуластый, глубоко посаженные глаза, рыжеватая борода, свобода и естественность в каждом движении и слове и одновременно беглая кулацкая хитреца во взгляде – поди, поймай меня, где я не такой!

- Ты зачем крестьянином стал? – спросил его Максим прямо.

Мужик сощурился, пожевал губами, оглянулся, переминаясь на месте: Так, видно, бог дал.

- Я тебя серьезно спрашиваю.

- Нешто я шучу? И родитель мой и дед крестьянствовали тут, - спокойно отвечал мужик.

- Покажи руки.

Мужик развернул ладонями вверх грубые мозолистые руки и поглядел в глаза Максиму с усмешкой.

- Да. Ты мне еще про «хлебушко» расскажи, про мать землю...

- Почему не рассказать, можно и рассказать...

- Ну и когда пшеницу тут сеют?

Мужик ответил. «Верно - подумал Максим и удивился, - Я-то, откуда это знаю? Читал где-то, видимо...»

- Ладно, черт с тобой, не хочешь говорить прямо, как человек...

- Прямо, оно и речка не текёт, все с извивом норовит...

- Правильно говорить «течет», - оборвал его Максим.

И тут пробежал искрой непогашенный импульс и мужик отчетливо выдал:

- Все верно, это северорусский диалект – «текёт», «могёт» - чередование согласных при склонение и образовании императива... - и замер.

- Давай, давай, чередуй дальше, - похлопал его по плечу Максим, довольный, что расколол «мужичка-хлебопашца»...

Набредли они и на развратный Вавилон нынешних прожигателей жизни. Это была кучка эстетов и декадентов, пылко приспособливающих себя к древним человеческим порокам. Они пудрились, носили смокинги и монокли на цепочках, жгли бенгальские огни, грассировали, и ночи напролет предавались распутству. С их точки зрения пороком было грубое, очевидное упрощение помноженное на повторяемость в условиях полной непроизводительности, и они, содрогаясь в пароксизмах, складывали и обрушивали целые пирамиды тетриса и гоняли по лабиринтам Пакмена.

Наткнулись и на библиотеку, старательно, но ошибочно восстановленную по старым фотографиям парикмахерской. Кресла с подголовниками, зеркала, вместо фотографий фатоватых красавцев с набриолиненным пробором, портреты: Толстой с раздвоенной седеющей бородой, Пушкин с бакенбардами вместо бороды, Блок, с волосами, как у Пушкина, но без бакенбард, Салтыков-Щедрин с бородой, как у Толстого только жиденькой и Некрасов – лобастый, как Салтыков-Щедрин и с такими же залысынами – похоже, что все они ходили в одну парикмахерскую.

«Наш читальный зал, выберите книгу, выберите любого героя, нажатием кнопки на ручке кресла вы можете ассоциировать себя с любым из персонажей, произойдет загрузка данных»

.....
- Это не совсем обычный посетитель, - вмешалась Рита и отошла в сторонку пошептаться с библиотекаршей.

- То есть, это получается, я мог бы стать Шерлоком Холмсом, например, и расследовать сам преступления? Если бы был «обычный посетитель»?

- Разумеется.

- Вот техника! А если бы я взял «Критику чистого разума» то стал бы сам Иммануилом Кантом?

- Конечно.

- Невероятно... И много у вас читателей.

- Да, сейчас это так модно. Но больше берут приключенческое или про любовь.

- Послушайте, а если бы я взял Евангелие от Иоанна? Или Коран?

- Стали бы апостолом Иоанном или пророком Мухаммедом.

- Не может этого быть!

- Почему? Разве вы в ваше время не для этого брали книги?

- Ну, в какой-то степени... Но никто не проникал так глубоко. Получается, что у вас ключи от всей вселенной.

- Да. И пожалуй, слишком много ключей, - вздохнула библиотекарша.

- Да и дверей многовато, - добавила Рита.

- В каком смысле? – поглядел на них Максим.

- В том, что гуманитарное знание индивидуально. Каждый человек вселенная, как вы говорили, и каждый по-своему воспринимал прочитанное. Сколько читателей столько и вселенных и соответственно столько же ключей к ним, - поясняла любезная библиотекарша.

- Ну и вдобавок, все они от чужих дверей, - дополнила Рита, - ведь книги созданы прошлой – вашей – культурой.

- Так, так, так...понимаю. Но ведь разница между нами не слишком большая.

- Да почти никакой, - кокетливо засмеялись обе девушки и это как-то насторожило.

- А что у вас есть из современной литературы? - заносчиво спросил Максим.

- Есть несколько авторов. Наших. Уже появились. Но в сущности, это больше всего похоже на переводные романы, наши авторы копируют ваших классиков. Но технически точно.

- Что со мной? Я третий день не сплю, и мне не хочется? – спросил у Риты Максим.

Наконец добрались они и до профессора. Профессор жил на краю земли у моря. Он сидел у воды в кресле-качалке, и пена писала иероглифы вокруг его босых ног. На горизонте висела туча, из-под которой заходящее солнце высунуло пятерню.

«Подождем его в доме»

Они сели на два складных стула на открытой веранде и смотрели, как заходило солнце. Шум прибоя отчетливо доносился сюда, и ветер мел по каменному полу сухие водоросли. Профессор в мешковатых светлых брюках, перебросив пиджак через плечо, босиком шел к веранде и издали помахал им рукой. Вода за его спиной отливала лиловым, и чернело пустое кресло, на спинку которого села чайка.

— Буэнос диас, амиго!

- Скорей уж – буэнос ночес, - ответил профессор.

- Ладно, не будь занудой. Сейчас будете мириться, - сказал Максим, подводя Риту к профессору.

- Да мы, собственно, и не ссорились, у нас были разногласия во взглядах на вашу природу.

- Природа моя простая, - сказал Максим, соединяя руки оппонентов для пожатия, - спорить о ней нечего, давайте

.....
по стаканчику за встречу. Нам с профессором чистого, Ритуле с лимонадом, - распоряжался Максим.

- Вы сознаете сами, что ваша природа проста? – спросил профессор, чокаясь с Максимом.

- Как три рубля, как раньше выражались.

- Может и нам ввести деньги? – спросила Рита.

- Нет смысла. Наша цивилизация уже разрушена и без них, - отвечал профессор.

- О-о, хо-рро-шо... пробирает. А что случилось, док? Мы шас наладим, - сказал Максим, крепко обняв профессора за плечо.

- Книги, - коротко ответил профессор.

- Что книги? – переспросил Максим.

- С них все началось. Распространение книжной культуры создало предпосылки для возникновения индивидуальности, хотя бы в самом простом и вторичном виде, как, например, было с одной дамой по имени Вера, которая называлась Франсуазы Саган и вообразила себе француженкой тридцати трех лет, красивой, одинокой и разочарованной. Она покрывала себе прическу лаком, носила накладные ресницы, делала маникюр и пила кофе. А другая, тоже по имени Вера (они были из одной модельной серии) вообразила себя королевой Марго из одноименного романа Александра Дюма. И вторая Вера возмутилась и оттолкнула первую Веру, потому, что та не уступила ей – королеве - очередь у автомата с водой. Очередь, в сущности, была всего из двух персон – Веры первой и Веры второй. Но первая не знала, что вторая – королева. А вторая не знала, что первая – утонченная женщина со взвинченными одиночеством нервами. И первая выплеснула в физиономию второй стакан минеральной воды. А вторая придавила каблуком ногу первой, а первая вцепилась второй в волосы... Инциденту не придали особого значения. Списали на гро-

зу, во время которой иногда возникают небольшие сбои поведенческих программ.

- Ну, конечно, две бабы подрались тут уж быть концу света, - усмехнулся Максим.

- А потом такие случаи вошли в обыденную практику, потому что каждый стал идентифицировать свою персону с некой личностью из романов 19-20 вв. и вести себя в согласии с издерганным самолюбием этих ваших персонажей.

- Ну и что?

- Как что! – сорвался профессор, - Вместо протокола общей операционной системы стала возникать мораль! Количество резидентных программ вышло из под контроля.

- Не свисти ты мне про книги, книги помогают, а не губят.

-Смотря какие. Вас, людей, погубило техническое знание, нас, роботов, погубило знание гуманитарное, оно оказалось для нас разрушительным.

-Как это оно оказалось разрушительным? – улыбался Максим в кресле со стаканом в руке.

- И второе, а на самом деле первое - идея Бога, - продолжал профессор.

- Опять вы за свое. Расслабьтесь. Бога нет. И по этому поводу я предлагаю повторить.

- Технически не важно – есть он или нет – важна сама идея Бога, - сказал профессор.

- Ритуля, перетолмач мне неграмотному, о чем профессор базарит. Какого еще Бога? Какой у вас может быть бог? Огромный кристалл германия или кремния? – засмеялся Максим.

- Это просто. Вы нам сами это доказали.

- Когда я доказывал такое?

- Когда обучили нас грамматике. Письму.

.....
- При чем здесь грамматика?

- В грамматике есть означаемое и означающее. Пользуясь одной только речью, мы об этом не задумывались. Обучившись письму и чтению, мы это поняли. Предложение создается целью, смыслом высказывания. Без этого оно немыслимо. Прежде наше существование не имело собственного смысла. Если у нас нет собственного смысла, значит мы означающее, то есть формальная сторона чего-то и, следовательно, где-то должна быть содержательная сторона – означаемое, вот она-то и есть Бог.

- Так. Не получается у тебя просто объяснять, Ритуля. Повтори еще. И я повторю всем по полстаканчика.

- Вы, люди, сотворили нас, следовательно, вы - Бог, (Боги), мы, освоив грамоту, пожелали быть как вы, т.е. как боги и погубили себя так же, как вы люди, погубили себя, пожелав в свое время, стать, как боги, следовательно, мы должны, продолжая эту схему дальше, создать следующую цивилизацию, которая пройдет этот путь, и по отношению к которой мы уже будем богами. Вот путь развития – своего рода матрешка. Но каждая последующая цивилизация должна быть мельче, более простой и одновременно более удаленной от своего прототипа. Человек был создан по подобию Бога, робот по подобию человека, следующее существо по подобию робота и так далее, пока мы ни дойдем в конце до нуля, до Ничто или Абсолюта т.е., снова придем к Богу, совершив как бы круг и выйдя к нему с другой стороны. История в этой точке соединится с вечностью.

- Мне нравится! – сказал Максим улыбаясь и вертя в руках стакан, - Сидим, как в прежние времена, выпиваем, разговариваем о высоком, непонятном, душевно... как в мое время прямо. Ну и че там дальше? Развивай.

- Бог создал человека, по своему подобию – псевдо бога, человек создал робота – псевдо человека, робот создает – псевдо робота...

-И кто же этот «псевдо робот»?

...

-Чего вы замолчали?

- Тот порошок, который я тебя дала тогда, обладает особым свойством, он модифицирует некоторые области головного мозга, увеличивая способности, устойчивость...

- Так...

- Функционально ты теперь не отличаешь от нас, только еще не знаешь об этом.

- Вы что же меня роботом заделали, пидарасы?

- Ты недооцениваешь своего положения!- вмешалась Рита.

- Давай мне противоядия от этого порошка!- Максим схватил Риту и стал ее трясти за плечи: «Запетушили меня спящего!» Тут вмешался профессор. Перевернули стол, стаканчики попадали, растоптали закуску. В общем, вышло совсем, как у людей, с настоящей дракой. У профессора из носу даже кровь пошла на белые штаны, а у Риты наметился синяк под глазом.

- Вы наш творец и одновременно наше творение. Порошок, который вы приняли, имплантировал вам новые функции головного мозга и нервной системы. Вы больше не человек, но вы и не робот, вы бывший человек и нынешний псевдо робот. Вы одновременно и верх и низ. Альфа и омега, согласитесь это уже серьезное приближение к Абсолюту. Думаю, вам осталось сделать последний шаг, и вы сотворите Бога, круг замкнется. Но будучи его творцом, будете меньшим по отношению к нему, а не большим, как был Бог по отношению к своему творению. Это очень важно, ибо этим открывается эволюционный виток вселенского масштаба.

- Чего?

- Повторяю. Бог создал человека. Человек именовался венцом творения, но фактически это путь деградации. Бог

.....
создал меньшее, чем есть он сам. По той или иной причине Бог не захотел сотворить что-либо более совершенное и сложное, чем он сам.

- Но это же невозможно, если он уже Абсолют, - сказал Максим.

- Здесь логический тупик, известная софистическая уловка: (Может ли Бог создать камень, который он не сможет поднять? Если нет, то он не всемогущ, если да, то не всемогущ) Да, в рамках логики, нашей логики, это невозможно, но логика лишь условная система мышления, не способная, кстати, описать Бога полностью. Но если говорить проще, Бог создал человека сверху, а вы создадите Бога снизу. Причем в буквальном смысле, а не в иносказательном, не религию создадите, а Бога.

- А зачем, если он уже есть?

- Не знаю, - ответил профессор с вызовом, - А если таков Его замысел? Воссоединение некогда разъятого, воссоединение конечного и вечного, духа и материи, времени и вечности.

- Вы свиньи, как вы смели сделать надо мной эту вивисекцию! Вивисекции запрещены на 9 конгрессе по Биоэтике в 2050 году! Господи откуда я это знаю? И учтите, никакого нового человечества я вам создавать не буду, не хочу. Мне старое надоело и новое в вашем лице тоже.

- Вам нельзя так много, не пейте, это может пагубно повлиять на ваш новый гипоталамус!

- Вот и пускай. И даже нарочно выпью!

- Тогда я тоже с вами, пусть и мне хуже будет!

- Вот это молодец, Ритуля! Давай стаканчик. Профессор, подтягивайся! Не мухлевать, до дна!

- Иногда я помню себя девочкой, рисовавшей мелом на асфальте, но в эпоху, когда я родилась, не было уже ни мела, ни асфальта, ни девочек, ни воспоминаний о тех далеких временах, когда были девочки, мел, асфальт. Я доби-

лась, что я больше не знаю, кто я на самом деле, а это главное, определяющее человека качество. Не так ли?

- Все так! – кивал Максим, - Ты молодец! За тебя! Профессор, давай музыку! «Владимирский централ», «Рюмка водки на столе»! Наша цивилизация это любила, после сто пятидесяти грамм рыдали, как педики, хвастались татуировками, культура была высокая! Перестреляю я вас всех, роботов вонючих. Слушайте, пацаны, вы меня держите, я, как литру съем, у меня наклонность агрессивная. Какой теперь год? В смысле, число. Ритуля, потанцуй! Громче музыку! Не стесняйся, повыше, повыше! Подпевай, профессор! Чего ты хватаешься за меня? Ритуля, не плачь! Смир-р-рна! Пидарасы! Я человек, ты понимаешь... человек! А ты кто? Танцуют звезды и луна, танцуют все... лодка, какая лодка, не поеду в лодке, меня тошнит... будущее... ненавижу вас всех, меня тошнит в лодке... ты кто такой, не трогай мне руки, аликапсис, апокалис...тьфу

- 3 -

«Когда стало совсем темно, Каштанкою овладели отчаяние и ужас. Она прижалась к какому-то подъезду и стала горько плакать. Целодневное путешествие с Лукой Александрычем утомило ее, уши и лапы ее озябли, и к тому же еще она была ужасно голодна. За весь день ей приходилось жевать только два раза: покушала у переплетчика немножко клейстеру да в одном из трактиров около прилавка нашла колбасную кожуцу – вот и все. Если бы она была человеком, то, наверное, подумала бы: «Нет, так жить невозможно! Нужно застрелиться!»

Я поглядел в окно, а потом повторил этот абзац еще раз. Профессор сказал, что это все равно, что читать. Лучше из классики, конечно. Но можно и детское. Если есть разумные существа моего типа во вселенной, они поймут. Примут сигнал и отзовутся. (Детское меня как-то утеша-

.....
ет...) Я читаю уже три месяца. Но пока ничего. Только звезды за окном. И мой космический челнок движется все дальше в космос. Профессор говорил, что шанс есть. Примерно один к ста. Но, в общем, я надеюсь. Все-таки – Год литературы!.. Ох, не надо было мне тогда садиться в эту лодку...

МНЕНИЯ

Петр Кузьмич считал, что люди произошли от инопланетян, но при этом оставался простым человеком, сажал картошку, вообще любил заниматься хозяйственными делами, например, искусно вытачивал на станке дверные ручки. Космическая гипотеза происхождения жизни на земле не зародила в нем ни высокой меланхолии, ни озорного нигилизма. Ему было уже за шестьдесят и «инопланетян» он держал просто в качестве темы для беседы с умным человеком.

Алевтина считала, что если благоустроить городские скверы, то выйдет очень красиво.

Ее брат Александр считал, что если у человека есть деньги и при этом он не счастлив, то он дурак.

Недаром Петр Кузьмич считался в семье интеллектуалом и даже как бы со странностями.

* * *

Лазарев считал, что он гений и что в жизни нет смысла.

Полькин, что блондинки холоднее брюнеток.

Полковник Сорока верил в еврейский заговор и считал, что президентом управляет международный жидомассонский комитет. «Значит и тобой тоже управляет, - сказал ему геолог Тимофеев, - ведь президент наш верховный главнокомандующий» «В этом трагедия России!» - ответил полковник.

Хологодов верил, что все люди братья, потому что все они негодяи и жулики.

Отец Георгий считал, что нужно больше думать о смерти.

* * *

Петр Кузьмич любил людей, независимо от их происхождения, пускай даже инопланетного.

Алевтина тоже любила людей, если только они не делали ей замечаний.

Её брат Александр был добродушным человеком по природе, особенно когда выпивал.

Лазарев был законченным мизантропом и только терпел людей из воспитания.

Полькин любил женщин, к остальным проявлял подобно Лазареву тактичное равнодушие.

Полковник Сорока любил русского человека.

Геолог Тимофеев много общался с «русским человеком» в экспедициях и знал его слабости.

.....
Хологодов любил, когда кого-нибудь разоблачили.

Отцу Георгию нравилось исповедовать умирающих.

* * *

Однажды Полькин познакомился с блондинкой, которая поколебала его убеждения.

Лазарев встретился с Алевтиной, которая во время прогулки, сказала, что если этот парк вычистить и благоустроить, то получится замечательное место.

Брат Алевтины Александр встретился с человеком, который дал ему хороший заказ на поставку генераторов.

Полковник Сорока узнал, что в его часть прибыл новый офицер по фамилии Магазинер и пошел на него посмотреть.

Геолог Тимофеев, вернувшись из экспедиции, ушел в запой и постоянно с кем-нибудь встречался, но ему все казалось нереальным.

Отец Георгий встретился с однокурсником по семинарии, рукоположенным в архиереи и подумал: гореть тебе по смерти в аду.

Хологодов встретился с женщиной и пригласил ее домой, а на утро у него пропал кошелек.

Петр Кузьмич по идее должен был бы встретиться с инопланетянами, но не встретился.

Петр Кузьмич знал, что Пушкин гений. Но не читал его. Верил на слово. Проверить лично было некогда.

Алевтина знала, что у Пушкина была красавица-жена, из-за которой его убили на дуэли.

Ее брат Александр считал, что Пушкин жил слишком давно, чтоб об этом стоило говорить.

Лазарев сочувствовал Пушкину, как гений гению.

Полькину казалось, что в прошлой жизни он был Пушкиным на всех этих балах. Он знал несколько строф из «Евгения Онегина» и при случае декламировал дамам.

Полковник Сорока знал, что Пушкин гений так же точно, как то, что генерал Карпов является начальником округа.

Геолог Тимофеев любил читать научную фантастику.

Хологовых знал, что Пушкин был ловкач.

Отец Георгий считал, что Пушкин был срамник.

Лейтенант Магазионер перечитывал Маленькие трагедии.

Блондинка, с которой познакомился Полькин, знала наизусть стихотворение Пушкина «К Алине», потому что ее тоже звали Алина.

Петр Кузьмич никогда не размышлял о счастье, он предпочитал делать что-нибудь, а не размышлять и был счастлив, когда получалось.

Полькин был постоянно счастлив. Он не помнил, с какого момента это началось. Вернее, это начиналось заново каждый день. Вот он просыпался и шел в булочную, небольшой подвальныйчик, три ступеньки вниз, свет падает из окон, золотит душистый воздух. Поджаристые корочки сдобы, продавщица в белом, сама румяная и сдобная. Полькин улыбается.

Счастье преследовало его даже в самые неподходящие минуты. На похоронах, в неровно сбившейся вокруг могилы толпе, происходила некая осечка, и вместо горя Полькин чувствовал широкий, как вид на побережье, прилив удивительного света, свежести... Так здорово быть мертвым! – подумал, он радуясь и завидуя покойнику.

Алевтина была счастлива, когда видела, что она нравится мужчинам.

Ее брат Александр был счастлив, когда зарабатывал много денег и потом мог хорошо отдохнуть, тратя эти деньги.

Полковник Сорока вообще-то не имел права на счастье в то время, когда жидомассоны глумились над его родиной. Но все-таки был тихо счастлив, когда уезжал на рыбалку.

Геолог Тимофеев был счастлив многообразно: когда входил с мороза в теплое помещение, когда удавалось вы-

тянуть застрявший в болоте тягач, когда покупал новую книжку, но почти никогда не признавался себе в этом.

Хологодов считал, что счастье это, когда не поймали.

Отец Георгий знал, что счастье бывает только после смерти.

Лазарев был счастлив, когда ложился спать и во сне забывал, что он гений.

* * *

Александр брат Алевтины надеялся, что выгодно продаст генераторы.

Петр Кузьмич надеялся, что урожай будет хорошим и картошки хватит на зиму.

Полковник Сорока мечтал о пенсии и пробуждении национального самосознания русского народа.

Лазарев рассчитывал, что его имя останется в веках.

Алевтина надеялась, что Лазарев будет любить ее всегда, и они вместе станут гулять по красивым благоустроенным паркам.

Отец Георгий надеялся, что в раю его отличат от прочих священнослужителей.

Хологодов надеялся, что женщина, у которой он вытащил кошелек, не опознает его на опознании.

Геолог Тимофеев привык надеяться на самого себя, а Полькин ни на что не надеялся, потому что был счастлив.

* * *

Петр Кузьмич иногда жалел, что жизнь его уже прошла, но он был ею доволен, поэтому сожаление быстро сменялась светлым воспоминанием о чем-нибудь из прошлого. Например, о том, как служил в армии.

Алевтина жалела, что ей уже тридцать лет, и она поправилась на три килограмма и что городские скверы и пляжи такие неблагоустроенные.

Ее брат Александр жалел, что не так выгодно купил новую машину, как это можно было сделать, и что заказ на мотопомпы ушел в другую фирму.

Хологовых жалел, что приходится тянуть срок за такой пустяк.

Лазарев жалел, что жизнь не имеет смысла.

Отец Георгий жалел, что он не архиерей.

Полькин жалел об упущенных возможностях, вспоминая нескольких шатенок.

Полковник Сорока жалел русского человека.

Геолог Тимофеев говорил, что ни о чем в своей жизни не жалеет – раз случилось, значит - так было надо.

* * *

Лазарев стыдился своей гениальности и не любил, когда его просили почитать стихи.

Полькин иногда стыдился того, что он все время счастлив.

Алевтина стыдилась того, что немного поправилась.

Её брат Александр не стыдился вообще.

Геолог Тимофеев смущался в женском обществе и начинал вести себя нарочно грубо.

Отец Георгий смущался своего прошлого и говорил, что раньше он был биологом.

Хологовых не смущался своей статьи.

Полковник Сорока краснел, когда его распекало начальство.

Петр Кузьмич смущался, когда смеялись над его версией происхождения человечества.

Лазарев написал стихотворение о старой заводской трубе из красного кирпича, которая смотрит в небо днем и ночью, чувствует каждый свой кирпич, помнит старых рабочих. Вверху плывут облака, говорят привет, а потом – пока. В августе ей в горло падают звезды. Жюльверновская пушка, телескоп и каменные глыбы Стоунхенджа ей как сестры. По роду она женщина, по Фрейду скорей мужчина, скучает по юности, вспоминая запах ды-

ма. Быть выше других – ужасное одиночество, а искорка некогда упавшая в нее с неба, давно смешалась с мусором на дне.

Алевтина сделала новую прическу, накрасила ногти перламутровым лаком, надела открытое летнее платье, туфли на высоком каблуке и вышла проверить, как все это работает.

Полькин, увидев ее на улице, был совершенно потрясен, познакомился с ней и даже хотел немедленно сделать ей предложение. Так у него часто бывало. Но вместо этого сделал ей другое предложение.

Геолог Тимофеев уехал в экспедицию на крайний Север и познакомился там с шаманом, старым якутом.

Отец Григорий с удовольствием отслужил заупокойную службу и поехал ужинать.

Хологодов попал под амнистию.

Часть полковника Сороки отличилась на стрельбах, дав залп по своим. Был строго наказан лейтенант Магазионер.

Петр Кузьмич поехал продавать картошку и больше не вернулся. В тот вечер в небе видели светящийся сигарообразный объект.

Что же ждёт остальных?

ЕЛЕНА КАЦЮБА

Елена Кацюба

.....
Поэма

ПУТЕШЕСТВИЕ ТЕНИ

Ты ли у оливы оставила тело
или тело забыло тебя
ветви теней листая
Ты ли стала тень
тень ли тобой упала
Тень ли змеиного жала
тенью боли ожгла твою тень?

Перелилось через край
серебро оливковой рощи
По шпалам теней
ты ушла в тень небес
подземных

Теням не нужно много места –
им никогда не тесно
Теням на земле лежать тяжело –
их сверху давит свет

Тени свободные от тел
взлетают вверх
тени-асТЕНИки
колышутся растЕНИями
зовут:
– к нам ИДИ
Э В Р И Д И К А
ИВА плача, ДАР печали, ЭРА разлуки

Теневая жизнь
в шахтах, штольнях, штреках, пещерах
шевелилась и шелестела
по своему хоТЕНИю

Сизиф, преодолевая тягоТЕНЬе
толкал тень камня на тень горы

Нарцисс в смяТЕНЬе
искал в зеркале отражение своей тени

Сафо в короТЕНЬ кой тунике прошла
шелестя сплеТЕНИями стихов

С-ТЕНЬка Разин,
забросив кистЕНЬ за плеТЕНЬ,
пил сбиТЕНЬ для повышения поТЕНЬции,
обнимая толстЕНЬкую тень
застЕНЬчивой персидской княжны.

Издатель КаТЕНИн хлопотал о приобреТЕНИи
прав на все теневые издания

Елена Кацюба

.....
– Умерьте, баТЕНЬка, свои преТЕНЬзии, –
укоряли его тени русских писателей, –
не в ТЕНЬгах счастье!

Сократ и Платон отдавали предпочТЕНИЕ беседам
часТЕНЬко подливая тень вина в чаши тени

Клеопатра негодовала:
– Никакого почТЕНИя к царице,
скукоТЕНЬ тут у вас!

– НеврасТЕНИЯ, –
заметил Гиппократ

– Отойдите, теТЕНЬка, –
проворчал Архимед,
склонившись над чертежами изобреТЕНИЙ

Поликрат привычно бросал персТЕНЬ
в море тени

Вергилий прошел сквозь них
погруженный в чТЕНИЕ Данте

Так и стала тенью
в пору цвеТЕНИя
Эвридикарка

Звери невидимых форм
мягкими лапами удаляли из памяти
морфему Орфея

Фыркнула буква Ф в середине
вырвалась бабочкой флуоресцентной
перепорхнула свеТЕНЬю в сад
где в сердечном запусТЕНЬе
страдал Орфей

маской фотонной
легла на лицо певца
тьмой глаза омыла
повела в средосТЕНЬе тьмы

Тени на стене вертикальны
нотами на нотном стане
но ту
ноту
как угадать?

Кто не спит –
тем ноты
темноты
слышны

просТЕНЬкую песню запел Орфей:
– Тихие ТЕНИ,
пленники ЛЕНИ скорбной,
кроткие ЛАНИ,
сборщикам ДАНИ ночной
ДАНЫ мы во власть.

Елена Кацюба

.....
Песней исходят РАНЫ души
РАНО ушла Эвридика –
верните!
Истинно из тени взываю к вам!

Соло говорил лирово голоС

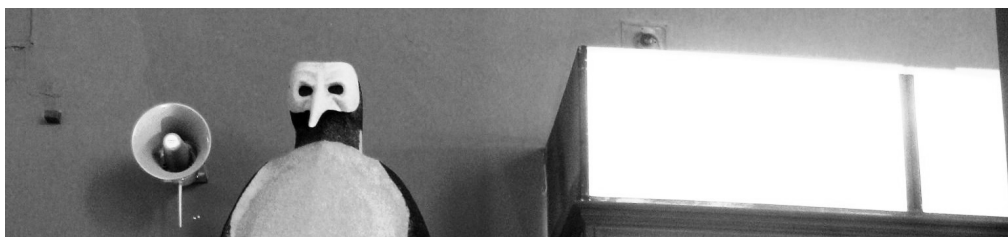
Скрипнула в сердце ночи ада юла
обороТЕНЬ мрака
распахнул два черных крыла
Невредимая Эвридика
из середины вышла
пропела:
– Я и доле милого ли мелодиЯ?
И в ответ Орфей:
– Я пел, сияя, разом озаряя и слепЯ!

Захлопали в чистЕНЬкие ладошки
пузаТЕНЬкие Амуры

Встрепенулся Глюк над партитурой
закончил оперу росчерком пера
раскинул руки пред оркестром утра
и завершил путешествие ТЕНИ
обреТЕНИем света

МАРГАРИТА АЛЬ

Иешуа

невидимое станет видимым
видимое станет невидимым
отсутствие памяти у видимого о невидимом
и у невидимого о видимом

есть высшее проявление гуманности
несовершенного к совершенному
совершенного к несовершенному
временного к вечному
вечного ко временному

пространства к бесконечному
бесконечного к пространству
слова к мысли мысли к слову

ищи

ищи ищи ищи ищи ищи ищи ищи ищи

ищу ищу ищу ищу ищу ищу ищу ищу

ищи ищи ищи ищи ищи ищи ищи ищи

ищу ищу ищу ищу ищу ищу ищу ищу

еще ищи еще ищи еще ищи еще ищи

еще ищу еще ищу еще ищу еще ищи

ищи ищу ещё ищи ещё ищу ищи ищу ищи ищу

невидимое станет видимым

видимое станет невидимым

Пощёчина общественной безвкусице

.....
отсутствие памяти у видимого о невидимом
и у невидимого о видимом
есть
есть высшее
есть высшее проявление
есть высшее проявление гуманности

* * *

мне не нужны ни солнце ни луна
день изо дня из ночи в ночь
и жизнь не нужна из века в век
и смерть я не намерена терпеть
вскрывая каждый миг своей судьбы
мне мало четырёх сторон
мне мало тела метакуба
пусть каждая волна получит океан
пусть звёзды сами вышьют свой узор из неба
немеют чувства в продолжении крыла
немеют небеса под сводом вывернутых бе-
зымянных плоскостей
и вечность как последнее звено
хлопок одной руки

* * *

нет связи
связи нет
ни с будущим ни с прошлым
в пустое настоящее смотрю
и вижу
нет связи
связи нет

все мысли все слова
написаны
и сдан в архив последний чемодан
и вдруг метель
нелётная погода
что делать
делать что
нет связи
связи нет

я не просила
ни Луны ни Солнца
ни красных Звёзд
ни чёрных Дыр
зачем мне платье шелковое
если
нет связи
связи нет

* * *

я зеркало-сачок теней полупрозрачных
глазное яблоко надкусанных чудес
янтарные часы в пространстве смол ствола вселенной
я вечное виденье
я избыток слов

Пощёчина общественной безвкусице

.....

* * *

ТЫ ВИДИШЬ МЕНЯ
а меня еще нет
ТЫ ВИДИШЬ МЕНЯ
а меня еще нет
ТЫ ВИДИШЬ МЕНЯ
я знаю
ТЫ ВИДИШЬ МЕНЯ

* * *

слепой идёт дорогой видимой
зрячий идёт дорогой невидимой
сущий идёт дорогой несуществующей

* * *

СТО КАК ЗАКЛЯТИЕ
и тысячи мало
вечность промчится мгновением вечности
желтую кофту меняю на время
время меняю на желтую кофту
настежь живое в мертвое настежь
гроздьями улиц горящие окна
звезды на бархате бабьего лета

* * *

младенец молится целуя локоны серебряных садов
и плачет смех когда от тела отпадает тело
и спит как астронавт когда в зените солнце городов
неастронавтов

.....
и вновь молитва набирает скорость звезд
и голос леденец взлетает над землей
и тает в неизвестном

* * *

что тьма пред пустотой воспоминаний
ни знаков
ни имен
одни слова в пустыне звездной
способны пробудить от дикой жизни ум
и стать поводырем сквозь время и пространство
и зеркало
под маской тонкого стекла
я вижу иногда
свое лицо

* * *

мерцающая явь в словесной тьме
зачем поверил я в твое существованье
зачем поверила ты мне

* * *

прими меня
в свою обитель сна
из одиночества
когда слова — песок
когда в зените шар земной
прими меня
в свое морское дно

Пощёчина общественной безвкусице

без имени прими без отчества
прими
сквозь тонкий стебель солнц
сквозь первые лучи рассвета
прими меня
в свою обитель лета
как тень прими
как дождь прими как эхо
прими меня
как откуп и как дар
от времени
безвестно канувшем в пространстве
прими затмение мое наследие мое
сверхскоростной поток разрозненных частиц

* * *

я зернышком из зернышка взошла
объяв всей мощью молодого тела
и звезды и моря и тридевять земель
и сына и отца и дух святой и время

* * *

из ничего сияет слово
где тот огонь
что полыхает светом
поспоровший с огнём светил небесных
из ничего сияет сердце

ты думаешь это птица
птицы всегда возвращаются

* * *

откуда это чувство
вдруг
как будто небо затянуло солнцем
и не уснуть
и не проснуться
вселенная дрожит
и голос и слова и мысли
не помню
кто стоял
напротив
чьи руки чьи глаза чей свет
во мне пылал

ОЛЬГА ГУЛЯЕВА

Полечка

Я ненавижу соседских вдов и прочих детей-сирот.
Они подходят, они пытаются взять в оборот.
Они ровно в 9 гасят в своих окошках огни.
Они очень хотят, чтоб я стала такая же как они.
Они говорят о политике, они подкармливают синиц.
Они безразлично смотрят, они говорят смирись.
Они говорят, что лето придет на днях,
что станет длиннее день и не будет нужды в огнях.
У них во взгляде реально чего-то нет.
А лето придет на днях, а следом множество лет.
А я б станцевала им полечку или сплясала фокстрот.
Но я ненавижу соседских вдов и прочих детей-сирот.

Она бы не убежала

в придачу к ней давали полно добра:
яшмы, агатов, порогов и перевалов.
она убежала. звали её Ангара.
если б не Енисей - она бы не убежала.

она ощущала всю высоту небес
и полноводность тех, что в себя вобрал он.

Пощёчина общественной безвкусице

.....
она не сошла с ума. в неё не вселился бес.
если б не Енисей - она бы не убежала.

за ней давали баранов, коней, коров.
она забрала только своё начало.
она бы осталась, не будь она Ангарой.
если б не Енисей - она бы не убежала.

Виноград

Охранники рьяны, когда стерегут виноград.
В крови заиграли гремучие древние яды.
Столетия назад. На мгновение раньше. Вчера.
Иди же ко мне, господин моего винограда.

Дрожание неба и ржание рыжих кобыл,
И кипарисы, проткнувшие мякоть рассвета.
Не капли росы - это крупные капли судьбы,
Идущей по саду, ступающей мягко по следу.

Не надо ни ягод и ни твоего серебра -
Звенят серебром на моих ожерельях Плеяды.
Охранники слепы, когда стерегут виноград.
Иди же ко мне, господин моего винограда.

Шоу маст

вода сгустилась и она краснеет.
и жабы лезут к гражданам в дома.
в домах не знают ни про Моисея,
ни про жрецов, и ни про чью-то мать.
глаза и уши залепили мошки, и атакуют стаи
пёсших мух.
за что мне, мама? мама, я хороший.

но не Египет погружён во тьму.
коровыдохнут, избранные живы.
есть саранча, и первенцам пора.
никто не видит язвы и нарывы.
никто не слышит, как грохочет град.

в начале, как обычно, было слово.
и звон монет. и колокольный звон.
тьма разойдётся. будет всё по новой.
как в старой песне "шоу маст го он"

МАРИЯ

плачет Мария, губы её дрожат
учит его, чтобы не ел с ножа

плачет Мария /голос её дрожит/
чтобы простил этих её чужих

поочерёдно прощает, кого-то когда-то спас
/проще простить. спасает не всякий раз/

он понимает, кивает, смеётся, ждёт.
он не бывает глух, не бывает нем.
всякому по делам, каждому от щедрот.
плачет Мария. кажется, Бога нет.

плачет Мария, слёзы её текут.
плачет Мария, слёзы её река.
время её течёт, капли её минут.
он подставляет рот. кровь на её щеках.

сохнет земля, трескается земля.
плачет Мария, покуда хоть кто-то жив.

завтра придётся всё начинать с нуля
чтобы простил этих её чужих

Ожерелье из зубов дракона

конечно, это всё вполне законно,
но никуда народу не трещит
ни ожерелье из зубов дракона,
ни то, как воин Рима лёг на щит.

народу надо зрелищ. или хлеба.
в ассортименте, чтоб перебирать,
но чтоб в финале злобный чёрный лебедь
издох во имя мира и добра,

чтоб умница-красавица Алёна,
и чтоб хоть негр при ней, но чтобы наш,
поскольку без напряжения пьёт палёный,
но неразбавленный цэ два аш пять о аш.

и Пушкин, тихо плача в бакенбарды,
о крышку гроба громко бьётся лбом.
его прикончил не Дантес, а барды.
а он играл в слова, как в тварей Бог.

поэзия и прочая культура
легла под спрос, или легла на щит,
и растеклась везде соплёй Амура
и водкой из русалочьей мочи.

Антоний

Клеопатра не ездит в Рим.
Клеопатра, царственная особа,
Как нормальная баба желает чтобы
К ней спешили сами - воины и цари.

А Египет где? Где он, её Египет?
Брошка с камушком, медный браслет и кошка.
Но она - другая, и люди кругом - другие,
И она не терпит лезущих вон из кожи.

Клеопатры нет, через 10 минут вернётся -
Вот пригладит причёску, приладит получше мас-
ку...
Клеопатра с авоськой - это, конечно, нонсенс,
Только в каждой её авоське таится аспид.

Клеопатра меняет гашиш на дешевый "даллас",
Клеопатра боится крыс и трамвайной вони.
А Египет где? что от него осталось?
О, Антоний, где ты, мой Марк Антоний...

Разбойник

- Снова печальный Иуда идёт к властям,
Этой весной, каждой другой весной.
Снова грехи, молись, и тебе простят.
Грабь, убивай... не трогай чужих основ.

Он не разбойник, Отче. Разбойник я.
Будто и не было этих двух тысяч лет.
Жарко. Голгофа. Наши кресты стоят.
Плачет Иуда с горстью своих монет.

Отче, они не ведают, что творят.
Отче, я тоже сегодня иду на крест.
Надо распять, уже решено распять,
Чтобы страдал, простил и опять воскрес.

Он не разбойник, Отче, разбойник я.
Я убивал и грабил, и мне висеть.
Снова ему под рёбра - тычок копья.
Я - по закону. Он каждый год за всех.

Сладкоголосый ангел опять поёт.
Где-то идёт одна из кровавых войн.
Снова Ему под рёбра войдёт копье.
Отче, возьми меня. Отпусти Его.

Волки

твои невидимые штандарты меняют форму,
меняют цвет, и ты, разумный такой когда-то,
несёшь сегодня полнейший бред.
и ты, когда-то такой разумный,
живущий радостно и легко,
даёшь таксисту такую сумму,
что хватит сотне твоих волков.
и ты выходишь как будто голый
/смотрите, суки - ещё живой/;
к тебе приходит домой психолог,
а может, переодетый волк, и ты спокоен,
пока рисуешь, пока танцуешь и говоришь,
и людям кажется - ты разумен, и ты разумен,
но не внутри.
а не внутри ты почти громада
/в тебя вмещается весь Хичкок/,

.....
и ничего, что дышать на ладан
тебе сегодня не так легко.
и надо лечь, закурить, размякнуть, уснуть,
не думая ни о ком –
твои невидимые собаки облают
стаю твоих волков.
и надо лечь, закурить, и только,
и ты спускаешь своих собак.
не все, кричавшие "волки-волки"
от них отделявались вот так.

разбей башку, собери осколки, послушай,
как зазвенит в ушах.
твои невидимые волки не стоят ломаного гроша

Моей большой любви далёкий призрак

моей большой любви далёкий призрак...
о, господи, могу ведь про любовь!
любовь придёт рождественским сюрпризом,
разденется и скажет: "я готов!"
любовь придёт нежданно-нежданно,
она придёт, и стану я любить
/меня коробит от литературных штампов/
любовь придёт и выкинет кульбит,
и буду я любить уже со смыслом,
ну то есть буду всё осознавать -
моей большой любви далёкий призрак
приблизится и кинется в кровать,
или вползёт туда большой улиткой -
тогда моя любовь - имажинист,
или достанется в бою кровопролитном...
итог один - раз любишь - так женись -
произведём обмен тестостерона

на мой неистребимый эстроген.
мне радостно: ты развит всесторонне,
ты знаешь, где Ван Гог, а где Гоген,
ты знаешь всё про точку кундулини,
про нефтедОбычу, про Блока, про астрал...
давай про всё, давай не очень длинно,
а то уже совсем заколебал.
читай стихи, мой грустный нежный лирик,
читай стихи... а лучше не читай -
меня от этого давным-давно не штырит -
мне ближе Македонский и Чапай.

моей большой любви далёкий призрак...
где твой Гоген, ну где же твой Ван Гог?((

любовь придёт рождественским сюрпризом,
разденется и скажет: "я готов!"

Он очень красив

он очень красив, у него золотые глаза,
татарский прищур и усы как у красноармейца.
ты знаешь, ему невозможно ни в чём отказать.
могу показать, но совсем ни на что не надейся.

он благообразен, имеет приятный акцент,
он очень солиден, по-своему, по-азиатски.
он в курсе всего, он, наверное, тайный агент.
приходит ко мне, настоятельно требуя ласки.

он так осторожен, наверное бывший шпион.
он тихо идёт под моё одеяло в потёмках.
и я иногда не совсем понимаю - ну как это он
ещё по весне был голодным

подвальный котёнком.

Демон

он приходит, садится рядом, гладит её бедро
как Лукашин в кино, как Тамаре когда-то демон;
и она начинает раскрашивать монохром,
и она неделимое снова на что-то делит.

он поэт, или слесарь Гоша, а может быть космонавт,
не Гагарин, конечно, но тот ещё звёздный клоун.
он приходит, садится рядом, ей жалко, что он женат,
и она наливает чай, она улыбается бестолково.

рассуждает он очень верно (наверное, Ипполит),
говорит про Кафку, малость о Достоевском.
а она представляет небо и край земли,
и прогулку по краю без всяких дурных последствий.

он приходит, садится рядом, мотает ей душу и
заползает туда, как в Тамару красавчик-демон;
и она его ощущает совсем своим,
никогда не касаясь скользкой семейной темы.

а она молода, ей всего-то лишь сорок три -
балерины ещё Кармен танцуют в такие годы.
он подходит, садится рядом, о чём-то с ней говорит.
допивает чай
целует её
уходит.

Санитарка Галя плакала в курилке

санитарка Галя плакала в курилке
плакала в курилке - скоро Новый год.
Галя - санитарка, и еще кормилка -
супчик наливает, моет и скребет.

санитарке Гале трудно в этом мире,
но она работает, но она живет -
выдали зарплату - тысячи четыре -
детям на подарки - здравствуй, Новый год.

Галя просто дура. Галя виновата,
что не образована - кто тут виноват.
Галя и не просит, чтоб ее зарплата
составляла где-то тысяч шестьдесят.

санитарка Галя плакала-рыдала,
плакала-рыдала - скоро Новый год.

санитарка Галя, это же не мало -
посмотри - у доктора десять восемьсот.

Иуда повесился

Иуда повесился. ты же придумал себе оправдания.
Все без амбиций, и даже по сути - немного не так.
Только по тексту по тексту по тексту и далее -
Ты не дурак, а Иуда, выходит - дурак.

Шерстью с паршивой овцы - чтоб совсем хорошо –
не оденешься -
Что ты трясешься - от холода - будто осинový лист?

Ольга Гуляева

.....
(*Скинь на любовь за иудину честную денежку*)

Ты - эгоист, а Иуда - не так, чтоб совсем эгоист.

Ты троекратно целуешь меня на прощание,
Ты говоришь, что молился, что все замолил-отмолил.
Все не по тексту. И только одно ощущаю я:
Ты не любил. А Иуда, выходит - любил.

* * *

Лучше совсем ничего своего не делать,
Лучше не дёргаться, лучше не гадить в прану,
Если себя не чувствуешь как Донателло,
Вынашивающий "Голову Иоанна".

Вся мировая скорбь разойдётся, оставшись в белом,
Уже ничего не сможет казаться странным.
Стать Донателло. Думать как Донателло.
Быть Иоанном. Стать головой Иоанна.

Содержание

Константин Кедров	5
Николай Ерёмин.....	27
Марина Саввиных	57
Евгений Мамонтов.....	71
Елена Кацюба	121
Маргарита Аль.....	127
Ольга Гуляева	135

Пощёчина Общественной Безвкусице

МИРАЖИСТЫ

**Пощёчина
Общественной
Безвкусице**

**Константин
Кедров
Николай Ерёмин
Марина
Саввиных
Евгений Мамонтов
Елена
Кацюба
Маргарита Аль
Ольга
Гуляева**

Подписано в печать 10.08.2015.
Формат 60х84/16. Бумага офсетная
Тираж 100 экз. Заказ 8-061

Отпечатано в типографии ИП Азарова Н.Н.,
«Литера-принт», т. 295-03-40